

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)»
Институт открытого и дистанционного образования
Кафедра «Управление и право»

РАБОТА ПРОВЕРЕНА

Рецензент

Заместитель руководителя Мишкинского
межрайонного следственного отдела
СУ СК России по Курганской области

_____ Д. С. Атрощенко
_____ 2018 г.

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой

_____ А.А. Демин
_____ 2018 г.

Защита чести, достоинства и деловой репутации

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 40.03.01.2018.08896. ВКР

Руководитель работы
доцент кафедры УиП

_____ В. В. Денисович
_____ 2018 г.

Автор работы
студент группы ДО–550

_____ Т. С. Ченцова
_____ 2018 г.

Нормоконтролер
старший преподаватель кафедры УиП

_____ Е. Н. Бородина
_____ 2018 г.

Челябинск 2018

АННОТАЦИЯ

Ченцова Т.С. Защита чести, достоинства и деловой репутации. – Челябинск: ЮУрГУ, 2018, ДО–550, 80 с., библиогр. список – 60 наим., бл. плакатов ф А4

Объект исследования – общественные отношения в сфере правового регулирования защиты чести, достоинства и деловой репутации.

Цель исследования – комплексно и детально проанализировать теоретические основы, условия, способы и порядок защиты чести, достоинства и деловой репутации, выявить актуальные проблемы в представленной сфере, сформулировать рекомендации по их разрешению.

В работе раскрыты честь, достоинство и деловая репутация как правовые категории. Детально проанализировано право на честь, достоинство и деловую репутацию в истории российского законодательства и на современном этапе. Рассмотрены субъекты и содержание права на защиту чести, достоинства и деловой репутации. Выявлены проблемные вопросы в сфере законодательного закрепления права на защиту чести, достоинства и деловой репутации, определены пути их решения.

Практическая значимость работы заключается в том, что обобщенные результаты исследования могут быть применены в ходе дальнейшего развития и совершенствования российского законодательства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
1 ЧЕСТЬ, ДОСТОИНСТВО И ДЕЛОВАЯ РЕПУТАЦИЯ КАК ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ.....	7
1.1 Понятие чести, достоинства и деловой репутации.....	7
1.2 Право на честь, достоинство и деловую репутацию в истории российского законодательства и на современном этапе.....	16
1.3 Субъекты и содержание права на защиту чести, достоинства и деловой репутации.....	28
2 УСЛОВИЯ, СПОСОБЫ И ПОРЯДОК ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ.....	39
2.1 Условия защиты чести, достоинства и деловой репутации.....	39
2.2 Способы защиты чести, достоинства и деловой репутации.....	43
2.3 Порядок защиты чести, достоинства и деловой репутации.....	51
3 ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ.....	58
3.1 Проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации в российском гражданском праве и гражданском законодательстве	58
3.2 Рекомендации по совершенствованию правового регулирования института защиты чести, достоинства и деловой репутации.....	67
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	71
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	75

ВВЕДЕНИЕ

Правовое государство призвано развивать не только высшие социальные ценности общества в целом: демократию, гуманизм, справедливость, но и стать практическим инструментом, обеспечивающим реализацию организациями и гражданами своих прав, а также их защиту в случае нарушения. И неудивительно, ведь в обществе происходит постоянное взаимодействие людей друг с другом и с предметами окружающего мира. Оно становится все более интенсивным, а его результат зачастую непредсказуемым. Нередки случаи, когда в ходе такого взаимодействия имущественным и личным неимущественным благам граждан, организаций и других субъектов гражданского права наносится ущерб.

Нематериальные блага характеризуют социально-правовое положение личности в обществе. Они отражают духовный интерес человека, его индивидуальность, моральные и эстетические запросы, а их нарушение зачастую особенно болезненно для индивида. Следовательно, вопросы защиты нематериальных благ должны быть четко определены в законодательстве, что и обуславливает актуальность выбранной темы.

Краткий анализ литературы показал, что в различных источниках исследуемая тема отражена не полностью. Наиболее полно, на наш взгляд, данная тема разработана в монографических исследованиях, вузовских учебниках и учебных пособиях по гражданскому праву следующих авторов: С.С. Алексеев, И.С. Баженов, Т.А. Вертепова, Б.М. Гонгалов, Л.Ю. Грудцын, А.Р. Гусалова, М.Е. Жаглина, И.А. Зенин, О.Г. Зернова, Т.Н. Карасева, М.М. Колесникова, Н.Н. Костюк, Л.В. Кузнецова, Е.В. Михалевич, П.Ю. Поздников, А.М. Рабец, А.А. Рыбенцов, С.А. Устимова, З.Б. Хавжокова, О.А. Чаусская и др.

Объект исследования – общественные отношения в сфере правового регулирования защиты чести, достоинства и деловой репутации.

Предмет исследования – нормы российского законодательства, соответствующие разделы и главы специализированной литературы, материалы правоприменительной практики и периодической печати, раскрывающие вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации.

Цель исследования – комплексно и детально проанализировать теоретические основы, условия, способы и порядок защиты чести, достоинства и деловой репутации, выявить актуальные проблемы в представленной сфере, сформулировать рекомендации по их разрешению.

Задачи исследования:

- рассмотреть понятие чести, достоинства и деловой репутации;
- изучить право на честь, достоинство и деловую репутацию в истории российского законодательства и на современном этапе;
- раскрыть субъекты и содержание права на защиту чести, достоинства и деловой репутации;
- проанализировать условия защиты чести, достоинства и деловой репутации;
- рассмотреть способы защиты чести, достоинства и деловой репутации;
- изучить порядок защиты чести, достоинства и деловой репутации;

- выявить проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации в российском гражданском праве и гражданском законодательстве;
- формулировать рекомендации по совершенствованию правового регулирования института защиты чести, достоинства и деловой репутации.

В процессе исследования использованы следующие методы: методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой, обобщения, восхождения от абстрактного к конкретному, системный, логический и диалектический методы научного познания.

Нормативно-правовую базу исследования составили законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, регламентирующие основы правового регулирования защиты чести, достоинства и деловой репутации.

Эмпирическая основа настоящего исследования представлена материалами правоприменительной практики, а именно: постановлениями, определениями Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ (например, Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 09 июля 2013 г. № 18–П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова»; обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2017 г.; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц») и др.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что сформулированные автором теоретические выводы, практические рекомендации и предложения вносят определенный вклад в правовую науку, систематизируют научные знания по вопросам правового регулирования защиты чести, достоинства и деловой репутации, а также могут быть использованы в дальнейших исследованиях.

Практическая значимость работы заключается в том, что обобщенные результаты исследования могут быть применены физическими и юридическими лицами в ходе практической деятельности по защите нематериальных благ.

Структура работы: введение, основная часть из трех глав, заключение, библиографический список.

1 ЧЕСТЬ, ДОСТОИНСТВО И ДЕЛОВАЯ РЕПУТАЦИЯ КАК ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ

1.1 Понятие чести, достоинства и деловой репутации

Наряду с международными договорами Основной Закон РФ провозглашает права и свободы личности высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита выступает государственной обязанностью. В ст. 21 Конституции отмечается, что достоинство личности находится под охраной государства, ничто не может выступать основанием для его умаления. В качестве одного из конституционных прав обозначается право каждого человека на защиту своей чести и доброго имени (ст. 23).

Нематериальные блага – это «объекты субъективного личного неимущественного права, обладающие социальной и индивидуальной духовной ценностью, не имеющие стандартных параметров, не отделимые от личности при жизни человека» [44, с. 86]. У нематериальных благ присутствуют отдельные отличительные черты. К ним можно определить: неразрывная связь с субъектом, внеэкономическое содержание, общая направленность на обеспечение существования субъекта. Индивид в силу своего существования ими обладает.

Перед исследователями стоит комплекс проблем, связанных с нематериальными благами. Законодатель не формулирует в ГК РФ определения категории «нематериальные блага». В современных юридических источниках распространен подход, что законодатель не разграничивает такие категории как: нематериальные блага, личные неимущественные права, блага. В.В Долинская и М.Н Малеина поддерживают указанную позицию. Они полагают, что нематериальные блага выступают объектом личных неимущественных прав [48, с. 67].

В современной юридической литературе правильно указывается, что законодатель допустил в ст. 150 ГК РФ смешение двух категорий – «личные неимущественные права» и «нематериальные блага». Как отмечает М.Н. Малеина, духовные (нематериальные) блага, а также результаты интеллектуальной деятельности могут являться объектами личных неимущественных прав, а редакцию ст. 150 ГК РФ необходимо конкретизировать, «исключив неимущественные права из перечня нематериальных благ» [48, с. 68].

Л.О. Красавчикова указывает, что значительная часть исследователей сходятся во мнении, что не имеется оснований для объединения категорий «личные неимущественные права» и «нематериальные блага» и полагает, что нематериальные блага выступают объектом личных неимущественных прав, а объединение в единый перечень можно считать неправильным [36, с. 189].

Автором разделяется мнение ученых в части того, что законодатель в ст. 150 ГК РФ допустил смешение понятий «личные неимущественные права» и «нематериальные блага», в связи с этим, мы признаем целесообразным исключить из ст. 150 ГК РФ неимущественные права из перечня нематериальных благ.

По общему правилу, размещенный в социальной сети пост не выступает предметом судебной защиты по спорам о защите деловой репутации, так как

выражает собой субъективное суждение человека. Но из указанного правила есть исключения. 23 марта 2015 г. С. разместила в социальной сети пост, в котором обозначила, что заявленная организацией «Р» стоимость работ занижена и выступает «изначально демпинговой», а также что «конкурсная документация говорит или о полной некомпетентности ее составителей, или о присутствии коррупционной составляющей в виде договоренности заказчика с потенциальными исполнителями». По мнению организации «Р», данная информация порочит ее деловую репутацию, в связи с чем она обратилась в суд. В своем иске компания отметила, что умаление ее деловой репутации привело к отказу потенциальных подрядных компаний от участия в конкурсе, и в результате он был признан несостоявшимся – по причине чего организация понесла убытки, связанные с необходимостью оплачивать услуги третьих лиц по эксплуатационно-техническому обслуживанию оборудования. При этом, суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал. Суды вышестоящих инстанций оставили данный акт без изменения. Публикацию информации в социальной сети, по мнению судей, нельзя считать порочащей деловую репутацию, так как она выражает собой высказанные ответчиком субъективное мнение и суждения [66].

В своем п 20 Обзоре судебной практики Верховный суд утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2017 г. привел в качестве примера спор, при разрешении которого суд указал, в каком случае пост в социальных сетях все же может быть основанием для предъявления иска о защите деловой репутации [15].

Честь, достоинство и деловая репутация выступают нематериальными благами и подлежат защите в порядке, предусмотренном ст. 152 ГК РФ. ГК РФ определяет нематериальные блага к объектам гражданских прав. Жизнь и здоровье, личная неприкосновенность, достоинство личности, деловая репутация, честь и доброе имя, личная и семейная тайна, неприкосновенность частной жизни, выбор места пребывания и жительства, право свободного передвижения, право на имя, право авторства, иные нематериальные блага и другие личные неимущественные права, принадлежащие человеку от рождения либо в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы другим способом. В порядке и в случаях, закрепленных законом, личные неимущественные права и иные нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут реализовываться и защищаться иными лицами, в том числе, наследниками правообладателя (ст. 150).

Ю.С. Гамбаров в «Курсе гражданского права» (1911 г.) указал, что права человека, несмотря на свое разнообразие, сводятся к признанию неприкосновенности и нравственного достоинства личности, образуют высшее и драгоценнейшее из прав личности уже потому, что они имеют своим предметом драгоценнейшие и высшие блага человека. К подобным правам он, например, определял права на жизнь, свободу и честь [41, с. 211].

А.А. Власов отмечает, что личность человека развивается при условиях уважение к правам, чести и достоинству личности. Становление человека, строящего свою жизнь на базе высших нравственных ценностей – справедливости, совести, добра, чести, достоинства – возможно только в условиях

истинного уважения самой личности, а именно уважения ее прав, чести, достоинства [39, с. 4].

По мнению автора, честь, достоинство и деловая репутация являются основными нематериальными благами личности. Каждый человек в процессе своей жизнедеятельности должен уважительно относиться к нематериальным благам других лиц и только при взаимном уважении можно будет достичь снижения числа споров относительно защиты нематериальных благ, которые в настоящее время в практике судов являются весьма распространенными.

Традиционно под честью подразумевается социальная (общественная) оценка личности, мера моральных, духовных и социальных качеств человека.

Достоинство – это самооценка собственных способностей, качеств, мировоззрения, своего общественного значения, основанное на оценке социумом. Категории «честь» и «достоинство» применяются в разных областях – нравственного сознания (как понятия и как чувства), этики (как понятия морали) и права (как социальные блага, защищаемые законом).

Анализируя честь как нравственно-психологическую категорию О.В. Ткаченко указывает, что существование чести не представляется возможным «без внутреннего осознания личностью несоответствия своего поведения либо поступка с общественными нормами поведения и требованиями», а «сохранение чести есть форма выражения моральной ответственности личности за свое поведение в социуме» [48, с. 67].

О.Н. Ермолова отмечает, что категория чести, выступая оценочным понятием, отражает вывод окружающих лиц о соответствии либо несоответствии поведения лица общепринятым правилам и нормам – нравственным, моральным, правовым. Лицо, соблюдающее данные нормы, с позиции мнения общества обладает честью; лицо, пренебрегающее правовыми и моральными устоями, грубо нарушающее их, осуждается социумом, считается бесчестным [41, с. 71].

А.Л. Анисимов в основу представления о чести ставит нравственный критерий, на основании которого проявляется объективный характер понятия чести, а, соответственно, честь выступает понятием, выражающим достоинство личности в сознании иных лиц, оценку обществом с учетом существующей морали и правовых устоев в данном социуме. В определенном понимании честь – это положительная репутация индивида [30, с. 27].

Н.А. Придворов отмечает, что категория чести выражает собой положительную моральную оценку деятельности человека общественным мнением. Данный подход выступает абсолютно обоснованным, так как любая оценка является или отрицательной, или положительной. Последняя выражает собой отсутствие чести, а именно лицо выступает бесчестным, соответственно, речь уже не идет о чести [41, с. 196].

На взгляд автора, честь – общественная оценка личности, мера духовных, социальных качеств гражданина.

Рядом исследователей при раскрытии категории чести различаются два аспекта – внешний либо, как его иначе именуют, объективный и внутренний либо субъективный. В базе подобного разделения находится то, что оценка поведения

личности производится как внешними субъектами, а именно общественная оценка окружающими лицами – родственниками, друзьями, коллегами и др., так и внутренним субъектом – личность производит самооценку.

О.В. Ткаченко раскрывает объективную сторону содержания чести присутствием в социуме конкретных норм поведения, независимых от субъекта, но которые он должен знать и осуществлять; субъективная сторона чести раскрывается через степень и специфику проявления представлений о нормах поведения у каждого человека. Необходимо указать, что защите может подлежать лишь внешняя (субъективная) сторона чести, в силу недостижимости для постороннего вмешательства и невозможности воздействия на внутреннюю (субъективную) сторону чести [47, с. 143].

По мнению автора, такое многообразие подходов к понятию «честь» обусловлено сложностью содержания данной категории. Как мы видим, мнения ученых разнообразны и неоднозначны.

На сегодняшний день достоинство личности провозглашается высшей человеческой ценностью во многих международных источниках. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) считает достоинство, присущее всем участникам человеческой семьи, базой свободы, всеобщего мира и справедливости.

А.Л. Анисимов раскрывает достоинство как своеобразную систему положительных свойств личности, ее моральную ценность [30, с. 28].

А.В. Белявский, говоря о человеческом достоинстве, подразумевает ценность лица как человека, безотносительно к его национальности, общественному положению и др. При этом он подразделяет достоинство на общечеловеческое, которое выражает признание личности высшей общественной ценностью, обязательным условием общечеловеческих норм нравственности, и личное достоинство, выражающее ценность, общественную значимость определенного человека и комплекс его моральных качеств [32, с. 83].

О.Н. Ермолова, рассматривая нравственное содержание категории «достоинство», делает акцент на потребности соответствия правового содержания данной категории нравственному содержанию и рассматривает достоинство личности с гражданско-правовой позиции как признание ценности каждого индивида. Защита такого нематериального блага как достоинство ориентирована на обеспечение недопустимости незаконного умаления ценности человека в глазах окружающих лиц и ее восстановление, если подобное умаление уже произошло. Защите от посягательств, также как и в отношении чести, подлежит лишь объективная сторона достоинства – сознание и чувство собственного достоинства – для правового воздействия недостижима [62, с. 144].

А. А. Власов отмечает, что несмотря на то, что честь и достоинство выступают категориями нравственности в то же время носят общеправовой характер, непосредственно связаны между собой и, большей частью, анализируются как единая пара понятий в праве и этике. Вместе с тем, находясь в постоянном взаимодействии, они имеют различия и обладают самостоятельными, специфическими особенностями и чертами. Главное различие данных категорий,

как указывает А.А. Власов, состоит в том, что «если честь раскрывает степень признания, уважения человека со стороны социума как результат осуществления ею общепринятых правовых и нравственных норм, то достоинство подразумевает равенство возможности всех лиц достигнуть данного уважения, признания» [39, с. 5].

Как указала Л.К. Рафиева, «честь и достоинство образуются в процессе и по мере становления общественной деятельности индивида и способности к самостоятельной оценке данной деятельности, а не образуются в момент рождения» [53, с. 23].

Таким образом, прямое воздействие на самооценку личности оказывает ее внутренний мир, духовное развитие, воспитание, а также знание и понимание общепринятых норм и правил поведения как в социуме в целом, так и в определенных его частях – в семье, в общении с друзьями, коллегами и др. Формирование общественной оценки индивида зависит от комплекса поступков и действий человека, при этом учету подлежат не только сами поступки, но и побуждения, цели, мотивы.

На взгляд автора, достоинство необходимо раскрыть как самооценку индивида, осознание им своих личных способностей, качеств, мировоззрения, выполненного долга и своего значения в обществе. По мнению автора, самооценка должна базироваться на общественно значимых критериях оценки моральных и других свойств индивида. Достоинство обуславливает субъективную оценку индивида.

Отдельно следует обратить внимание на то, что репутация обладает чертами личного неимущественного блага в понимании ст. 150 ГК РФ. Так, в п. 1 ст. 1042 ГК РФ раскрывается состав вкладов, вносимых участниками простого товарищества. На основании обозначенной нормы «вкладом товарища считается все то, что он вносит в общее дело, включая денежные средства, другое имущество, профессиональные и другие знания, умения и навыки, а также деловые связи и деловая репутация. Вклады данных лиц считаются равными по стоимости, если другое не вытекает из договора простого товарищества либо непосредственных обстоятельств. Денежная оценка вклада осуществляется по соглашению между товарищами». На основании вышеуказанного, можно сформулировать заключение, что в обозначенной ситуации законодатель анализирует деловую репутацию как имущественное благо. И в данном случае образуется проблема, так как ст. 150 ГК РФ предусматривает предписание о том, что деловая репутация выступает нематериальным благом, которое к тому же «неотчуждаемо и непередаваемо другим способом». Считается, что ст. 150 ГК РФ следует закрепить в обновленной редакции. А именно, дополнить п. 1 новым абзацем в следующей редакции: «В случаях и в порядке, установленных законом, отдельные личные неимущественные права физического лица могут на определенный срок отчуждаться и передаваться по договорам иным лицам».

Раскрывая деловую репутацию в специализированных источниках существует несколько подходов. По одному из них таковой обладают лица, занятые в области предпринимательства, участвующие в деловом (коммерческом), гражданском

обороте, с продажей товаров, работ либо услуг. Так, А.А. Власов формулирует следующее определение данной категории – это положительная оценка деловых качеств человека, занятого в области предпринимательства, отраженных в сознании общества [39, с. 6]. Н.К. Рудый ограничивает сферу общественных отношений, в которой деловая репутация защищается, отмечая, что информация, в связи с которой можно предъявлять иски о защите деловой репутации, должна касаться или деловых, или профессиональных качеств человека, которые связаны с участием в деловом (коммерческом), гражданском обороте, с продажей товаров, работ либо услуг [38, с. 12].

По мнению автора, критерий предпринимательской деятельности не всегда связан с деловой репутацией.

В судах общей юрисдикции отмечалось мнение о неразрывной связи деловой репутации с деятельностью в области предпринимательства. Так, при рассмотрении иска о защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации морального вреда Рогозина Д.О., депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ, к ряду воронежских СМИ Центральный районный суд г. Воронежа в решении от 21 ноября 2005 г. предоставил правовую оценку деловой репутации, отметив, что «это понятие, присущее рыночным отношениям, которое не имеет никакого отношения к истцу как к политическому деятелю и физическому лицу, не обладающему деловой репутацией в понимании гражданского законодательства, ввиду того, что на основании ст. 2 ГК РФ существо нематериального блага как деловая репутация прямым образом связано с участием носителя указанного блага в деловом обороте, а именно с его деловыми предпринимательскими качествами, какие отсутствуют у истца» [59, с.58].

С подобным подходом нельзя согласиться. Как отметил Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 24 февраля 2005 г. № 3 указанные дела подлежат рассмотрению арбитражными судами вне зависимости от того, выступают ли участниками правовых отношений, из которых возникли спор либо требование организации, ИП либо другие организации и граждане [17]. Исходя из указанного дела о защите деловой репутации в области предпринимательской и другой экономической деятельности не подведомственны судам общей юрисдикции. Если сторонами спора о защите деловой репутации будут организации либо ИП в другой области, не относящейся к предпринимательской и другой экономической деятельности, то данный спор подведомствен суду общей юрисдикции. Соответственно, деловой репутацией и правом на ее защиту могут обладать любые граждане. Раскрывая деловую репутацию гражданина в правовой литературе отмечается, что деловой репутацией в равной мере обладают как ИП, так и другие лица (инженеры, рабочие, врачи, педагоги, лица творческих профессий и др.), а под деловой репутацией гражданина подразумевается оценка обществом только его профессиональных качеств.

Относительно понятия «деловая репутация» в научной среде также сформированы различные подходы, проанализируем отдельные мнения ученых

по вопросу сущности и содержания данного понятия, и сформулируем авторское определение рассматриваемого термина.

Под деловой репутацией физического лица М.Н. Малеина подразумевает набор качеств и оценок, с которыми их носитель ассоциируется в глазах своих клиентов, контрагентов, потребителей, поклонников (для шоу–бизнеса), коллег по работе и персонифицируется среди других профессионалов в данной сфере деятельности. Деловая репутация присуща не только индивидуальному предпринимателю, но и любому иному работающему гражданину [48, с. 68].

А.Л. Анисимов считает, что деловая репутация гражданина определяется уровнем его квалификации и характеристикой профессиональной деятельности [29, с. 29]. Развернутое толкование данной категории предоставляет А.Е. Шерстобитов, под которой подразумевается общественная оценка только его профессиональных качеств, в том числе как ИП [62, с. 164].

Учитывая это, следует отметить, что деловой репутацией в равной мере обладают как ИП, так и другие лица (инженеры, рабочие, врачи, педагоги, лица творческих профессий и др.).

А.М. Эрделевский раскрывает деловую репутацию как сопровождающееся оценкой социума отражение деловых качеств лица в сознании общества. При этом, отграничивая деловые качества от «неделовых» отмечает, что деловые качества – это качества, которые обеспечивают осуществление этим гражданином деятельности, ориентированной на удовлетворение нужд общества, либо его эффективное участие в такой деятельности. Подобная деятельность вызывает определенную оценку в общественном мнении, а именно у гражданина складывается деловая репутация [32, с. 92].

Таким образом, в научной среде сформированы различные мнения относительно категории «деловая репутация». На наш взгляд, связывать категорию «деловая репутация» исключительно с осуществлением деятельности в области предпринимательства не совсем правильно, так как данное понятие выражает собой оценку профессиональных качеств физического и юридического лица вне зависимости от рода и вида деятельности.

В рамках исследования понятия «деловая репутация» применительно к физическим и юридическим лицам, нами установлено, что в научной среде вопрос о деловой репутации юридического лица является неоднозначным.

Несмотря на признание М.Н. Малеиной деловой репутации не только у ИП, но и у любого работающего лица в своей профессиональной деятельности, по отношению к организациям она считает, что правом на данное нематериальное благо обладают не все организации, а только коммерческие организации [48, с. 69], а согласно подходу А.Л. Анисимова деловая репутация организации устанавливается оценкой производственной либо другой деятельности на основании ее правового статуса в условиях рыночных и предпринимательских отношений [30, с. 28]. Представленный подход не соответствует ГК РФ, на основании которого юридическими лицами могут выступать как коммерческие, так и некоммерческие организации, которые от своего имени приобретают и реализуют личные неимущественные права.

Ввиду того, что присутствие деловой репутации у коммерческих организаций в научной среде не оспаривается, обратимся к некоммерческим организациям. Пленум Верховного Суда РФ в уже упомянутом Постановлении от 24 февраля 2005 г. № 3 вопросы относительно группы лиц, которые имеют право предъявить иски по делам обозначенной категории разъяснил следующим образом [11].

Физические лица и организации, которые полагают, что о них распространены не соответствующие реальности порочащие данные имеют право подать иски о защите чести, достоинства и деловой репутации. Никаких дополнительных требований об обязательной принадлежности организации к коммерческой организации либо предпринимательской деятельности данного лица в вышеуказанном Постановлении не предусмотрено.

Под распространением сведений, порочащих честь и достоинство физических лиц либо деловую репутацию физических либо юридических лиц, необходимо подразумевать опубликование такой информации в печати, трансляцию по телевидению и радио, демонстрацию в кинохроникальных программах и иных СМИ, распространение в сети Интернет, а также с применением других средств телекоммуникационной связи, изложение в публичных заявлениях, выступлениях, адресованных должностным лицам, служебных характеристиках, или сообщение в той либо другой, в том числе устной, форме хотя бы одному человеку.

С учетом анализа материалов судебной практики, автор приходит к заключению о том, что порочащие сведения могут быть распространены и в отношении деловой репутации НКО.

Данного подхода придерживаются суды при разрешении споров о защите деловой репутации НКО. Общественная Организация «Федерация Независимых Профсоюзов России» обратилась в суд с иском о защите деловой репутации, признании не соответствующими реальности, порочащими деловую репутацию и опровержении данных, компенсации морального вреда к ЗАО «Аргументы и факты – Петербург», ЗАО «Аргументы и факты», В.И. Иванову, ссылаясь на распространение ответчиками несоответствующей реальности и порочащей истца информации. Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда 18 мая 2015 г. решение Басманного районного суда г. Москвы от 21 декабря 2014 г. оставила без изменения, иск ранее был частично удовлетворен, в том числе, в части признания не соответствующими реальности, порочащими деловую репутацию Общественной организации «Федерация независимых профсоюзов России» сведения, распространенные ответчиками [23].

В рамках настоящего исследования, установлено, что на практике также возникают вопросы и о наличии деловой репутации у государственных и муниципальных органов власти.

В.А. Слыщенко полагает, что «в современном отечественном праве орган государства более верно считать субъектом гражданского права, юридическим лицом лишь в отдельных случаях, когда имущественная обособленность лежит в основе соответствующего органа, принадлежит к его значительным характеристикам». В качестве примера обозначен ЦБ РФ, а также указано, что подобные исключения могут распространяться лишь на структуры

исполнительной власти, должны быть обоснованными, возможны только на федеральном уровне и нуждаются в утверждении специальным законодательным источником [59, с. 58].

И.В. Никифоров определяет органы государства к одной из форм НКО, вместе с тем, указывает, что многие структуры, например, отраслевые министерства и ведомства, внесены в ЕГРЮЛ и имеют собственную правосубъектность, их правовое положение регламентируется источниками законодательного и подзаконного уровня (положениями об определенных органах), в других вопросах должны использоваться нормы ГК РФ о бюджетных учреждениях. В определенной части данный подход подтверждается современным законодательством. Например, Закон г. Москвы от 28 июня 1995 г. «Устав города Москвы» предусматривает, что Правительство г. Москвы и Московская городская Дума обладают правами юридического лица [62, с. 163].

Автор признает подход И.В. Никифорова обоснованным и разделяет мнение ученого относительно того, что государственные органы можно признавать одной из форм НКО.

В отношении органов муниципального уровня ФЗ от 06 октября 2003 г. №131–ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» устанавливает возможность государственной регистрации органов местного самоуправления, наделенных правами организации (местная администрация, представительный орган), в качестве юридических лиц.

Таким образом, можно сформулировать вывод о том, что органы местного самоуправления на законодательном уровне провозглашены юридическими лицами.

На основании п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 согласно ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 29 Конституции РФ, обеспечивающими каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, подходу ЕСПЧ при рассмотрении анализируемой категории дел судам необходимо различать присутствующие утверждения о фактах, соответствие реальности которых можно проверить, и убеждения, мнения, суждения, носящие оценочный характер, которые не выступают предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ, так как, выступая проявлением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их реальности.

Следовательно, одним из главных вопросов при разрешении дел о защите анализируемых нематериальных благ выступает соответствие распространенной информации реальности. Конституцией РФ каждому гарантируется свобода мысли и слова, право свободно искать, передавать, получать, распространять и производить информацию любым установленным законом способом, гарантируется свобода массовой информации. При этом, указанное не позволяет распространять заведомо недостоверную информацию, посягающую на честь и достоинство физических лиц, а также деловую репутацию физических лиц и организаций. Категорический запрет на защиту деловой репутации органов государства в судах может повлечь за собой нарушение баланса между

конституционными правами физических лиц на свободу массовой информации, свободу выражения своего мнения и правом на защиту рассматриваемых нематериальных благ.

По мнению автора, под деловой репутацией необходимо подразумевать профессиональные и деловые качества, как в области предпринимательства, так и в области другой профессиональной деятельности, проявляющиеся в оценке обществом. Правом на защиту деловой репутации в равной степени обладают физические лица (включая политических, общественных деятелей), организации (коммерческие и некоммерческие), органы государства, местные органы власти, считающие, что о них распространена информация, порочащая их деловую репутацию и не соответствующая реальности.

Подводя итог, необходимо отметить, что понятия «честь», «достоинство» и «деловая репутация» определены к нематериальным благам, перечень которых предусмотрен в ст.150 ГК РФ. Вышеуказанные категории определяют близкие между собой нравственные понятия. Различия между ними только в субъективном либо объективном подходе при оценке данных свойств. Если подходить к оценке указанных понятий с подхода права, то их можно объединить под термином личных неимущественных прав. На сегодняшний день честь, достоинство и деловая репутация – значимые нематериальные блага, гарантируемые нормами международного и отечественного законодательства. Законодательство РФ не формулирует точное определение категорий «честь», «достоинство» и «деловая репутация», таким образом, затрудняя правовое осмысление указанных терминов.

1.2 Право на честь, достоинство и деловую репутацию в истории российского законодательства и на современном этапе

Истоки института ответственности за посягательства на нематериальные блага можно найти в римском частном праве.

Обращая внимание на то, что римское право не успело выработать законченной системы возмещения морального вреда, С.А. Беляцкий указывает, вместе с тем, что взгляд, в соответствии с которым римское право абсолютно не считалось с моральным вредом и моральными интересами граждан, а принимало в расчет лишь их имущественный вред и имущественные интересы, выступает неправильным, так как римское классическое право «не игнорировало моральных интересов настолько, чтобы абсолютно лишить их защиты» [55, с. 213].

В римском праве было понятие «*iniuria*» (несправедливость), которое в широком понимании определяло всякое умышленное нарушение чужого права, направленное с позиции нарушителя, большей частью, против личности противника и вытекающее из неуважения к его личности. Ч. Санфилиппо, рассматривая область применения *iniuria*, указывает, что эта юридическая категория развивалась в двух направлениях. С одной стороны, согласно *lex Cornelia de iniuriis* от 81 г. до н. э. наиболее тяжкие случаи *iniuria*, закрепленные Законами XII таблиц, в особенности преступные деяния против личности, и

подвергались уголовному преследованию. С иной претор включал в категорию *iniuria* моральный ущерб, нанесенный чести либо престижу лица, что и становилось постепенно ключевым содержанием указанного деликта. В римском праве, как отмечал С.А. Беляцкий, «носила идея возмещения морального вреда, хотя и в непонятных очертаниях. Данная идея не успела воплотиться в стройные формы, но она развивалась на всем протяжении истории, и с течением времени, с ростом цивилизации, ей, быть может, суждено было стать в центре учения о вреде и убытках» [32, с. 189].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что именно римское право заложило основы нормативного регулирования ответственности за посягательства на нематериальные блага.

В гражданском законодательстве дореволюционной России имелось несколько статей, посвященных возмещению убытков за причиненный вред. Так, ст. 574 Свода законов Российской Империи предусматривала следующее общее положение о возмещении убытков за причиненный вред: «Как по общему закону никто не может быть без суда лишен прав, ему принадлежащих, то всякий ущерб в имуществе и причиненный кому-либо вред либо убытки с одной стороны налагают обязанность доставлять, а с иной производят право требовать вознаграждения». Термины «вред», «убытки», «ущерб» не имели в законодательстве того времени строго определенного значения, но «из понимания всех постановлений по обозначенному предмету можно вынести заключение, что не только слово «убыток», но и выражение «ущерб» всегда указывают на уменьшение (видоизменение) имущества потерпевшего; что же касается категории «вреда», то оно обнимает собою как ухудшение либо уменьшение имущества, так, прежде всего, и нарушение неприкосновенности лица, как, к примеру, проступки против чести, причинение смерти и расстройства в здоровье».

По общему правилу возмещался имущественный вред. О компенсации за нравственный вред можно говорить лишь в понимании ст. 670 Свода законов Российской Империи, которая предусматривала: «Ежели, в результате оскорбления либо личной обиды, обиженный понес ущерб в кредите, либо в имуществе, то оскорбивший либо обидевший его должен вознаградить за сии убытки и потери по усмотрению и определению суда». На основании указанной статьи в случае причинения вреда «кредиту» потерпевшего можно было взыскать «плату за бесчестье».

Г. Ф. Шершеневич критиковал данную норму ст. 670, так как полагал, что «плата за бесчестие» выступает пережитком прошлого, того времени, когда уголовные наказания в виде штрафов носили частный характер. Как отмечал ученый, компенсация нравственного вреда деньгами считается безнравственной, а «отмена подобного закона была бы крупным шагом вперед» [47, с. 177].

Аналогичного подхода придерживался и В.И. Синайский. Указывая, что современное ему зарубежное законодательство (например, Швейцарское уложение) расширяет возмещение вреда за рамки материального ущерба, «допуская в виде морального удовлетворения возмещение еще и нравственного

вреда», ученый отмечал: «Наши же гражданские законы не признают нравственного удовлетворения. Исключение сделано только для исков о платеже бесчестья» и указывал, что «иски о платеже бесчестья противоречат современному культурному правосознанию и должны быть отменены» [41, с. 86].

В проекте ГУ были положения о допустимости возмещения нематериального вреда в связи с нарушениями чести, в связи с чем эта проблема обсуждалась в литературе. В. Н. Шретер, предлагал ввести в новое гражданское законодательство страны и практику для борьбы с «очернением» репутации иск о прекращении указанных действий даже при отсутствии вины нарушителя.

С.А. Беляцкий и И.А. Покровский считали, что моральный вред должен подлежать компенсации. Так, последний выделял особенное право на честь и доказывал недостаточность уголовной ответственности при посягательстве на нее, а также обосновывал потребность специальной защиты чести в гражданско-правовом порядке вне зависимости от вины нарушителя посредством иска об устранении ложности оскорбительного сообщения и о запрещении повторять его впредь. С. А. Беляцкий полагал, что «жизнь взывает к установлению такого правового начала, с помощью которого одинаковую действительную защиту с имущественными благами и притом не только в уголовном, но и в гражданском порядке, получали бы блага не менее дорогие идеальные, признаваемые правом, но мало огражденные от посягательств» [62, с. 173].

По мнению автора, моральный вред в обязательном порядке должен подлежать возмещению (компенсации).

ГК 1922 г. специальных способов защиты анализируемых нематериальных благ не устанавливал. Вместе с тем, честь и достоинство защищалось лишь в уголовно-правовом порядке. Глава 6 УК РСФСР 1926 г. под наименованием «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» включала ст. 159, закрепляющую ответственность за оскорбление (словесное, письменное, действием или в распространенных либо публично выставленных произведениях печати либо изображениях; сам термин оскорбления в УК не формулировался), и ст. 160, устанавливающую ответственность за клевету – распространение заведомо ложных, позорящих иное лицо измышлений.

В научной среде уже в первые годы советской власти высказывались мнения в пользу компенсации морального вреда. Так, В. Лапинский полагал, что подобная компенсация деньгами необходима, а денежные средства в данном случае осуществляют не функцию эквивалента душевных страданий, а функцию удовлетворения, позволяющего эти страдания облегчить. И. Брауде говорил о потребности защиты граждан от причинения им морального вреда. Б. Утевский указывал, что личность обладает нематериальными качествами, а не только физическими, и в связи с этим, ей должен возмещаться как имущественный, так и моральный вред. М. М. Агарков предлагал ввести в закон правила о возмещении нематериального вреда. В содокладе на Первой научной сессии ВИЮН он отметил: «Те случаи, в которых я предлагаю это делать, не имеют ничего общего с примерами, которые, как правило, приводят противники данного института, ссылающиеся на то, что в буржуазных государствах, где существует возмещение

неимущественного вреда, на деньги оценивается человеческая жизнь, человеческое достоинство и др.» Указывая, что «вследствие неправомерного причинения вреда человек осужден на продолжительные лишения либо страдания», М.М. Агарков считал, что «имущественное возмещение за данные лишения и страдания позволит ему хотя бы в определенной степени их компенсировать» и это будет соответствовать требованиям справедливости [29, с.148].

Автор разделяет мнения советских ученых относительно компенсации морального вреда имущественным возмещением. По мнению автора, денежные средства в данном случае позволяют в определенной степени облегчить душевные страдания.

Вместе с тем, значительная часть советских ученых высказывалась в том смысле, что возмещение морального вреда чуждо социалистическому правосознанию.

Так, Е.А. Флейшиц указывала, что обязательства из причинения вреда по гражданскому праву советского времени – это обязательства по возмещению исключительно имущественного вреда и отмечала: «Имущественное возмещение неимущественного вреда, которое по сути выражает собой перевод на денежные средства таких благ, как жизнь, здоровье, творческие достижения человека, честь, несовместимо с ключевыми воззрениями советского социалистического социума, с его высоким уважением к личности человека».

Г.К. Матвеев указывал: «Советское социалистическое гражданское право не признает имущественной оценки личных неимущественных прав и отвергает денежную компенсацию в случае их нарушения» [62, с. 192].

В.А. Рясенцев считал, что «неимущественные интересы, нарушенные неправомерными действиями, не возмещаются. Соответственно, ГК в противоположность ряду кодексов и судебной практики буржуазных государств, отвергает институт денежного удовлетворения потерпевшего за моральный вред». Вместо возмещения морального вреда В.А. Рясенцев предлагал ввести штрафы в пользу государства. Подобный подход отмечался в литературе социалистических государств. Так, правовед из ГДР Г. Гернет указывал: «Денежная оценка причиненного горя противоречит нашим моральным воззрениям» [32, с. 158].

Автором не разделяется подход В.А. Рясенцева о введении штрафов в пользу государства вместо компенсации морального вреда в пользу потерпевшего. При системе подобных штрафов потерпевший никаких возмещений не получает, тем самым, нарушается принцип справедливости.

Впервые в советском гражданском праве категории чести и достоинства нашли свое предусмотрение в Основах гражданского законодательства СССР и союзных республик, принятых Верховным Советом СССР 08 декабря 1961 г. (до указанного времени соответствующие нормы закреплялись исключительно уголовными кодексами союзных республик). Позже в ГК РСФСР 1964 г. было включено положение относительно гражданско-правовой защиты анализируемых нематериальных благ. Вместе с вышеуказанными источниками предусмотрение Конституцией СССР 1977 г. в ст. 57 права граждан на судебную защиту от

посягательств на их честь и достоинство имело декларативный характер и не формировало действительной возможности реализации провозглашенной правовой защиты. В ряде союзных правовых источников также нашли свое предусмотрение нормы о защите чести и достоинстве граждан [47, с. 46].

В ст. 14 Основ законодательства СССР и союзных республик о здравоохранении, к примеру, было указано: «профессиональные права, честь и достоинство врачей и иных медицинских работников находятся под охраной закона». При этом, практической реализации указанные нормы не получили ввиду фиктивности большинства правозащитных документов советского права, а также по причине того, что на то время в СССР на практике отсутствовали требуемые условия для осуществления данных прав. Необходимо указать, что предложения о включении в советское гражданское законодательство нормы о защите чести и достоинства обсуждались в советской юридической науке еще в довоенные годы. В связи с этим, длительное время существование анализируемых категорий было возможно лишь в теории советского гражданского права.

Разработка понятий чести и достоинства советской юридической наукой была одним из инструментов разоблачения «клеветнических утверждений о том, что социализм якобы подавляет личность, и, что лишь капитализм выступает единственным оплотом свободы личности и защитником ее достоинства». Базой представленной идеологической борьбы являлась марксистская теория чести и достоинства.

Таким образом, рассматриваемые категории в советской юридической науке носили не универсальный, нравственно–правовой, а непостоянный, меняющийся в зависимости от политического строя в стране, характер.

По мнению автора, категории «честь», «достоинство» и «деловая репутация» являются статичными и нравственно-правовыми. Они не должны меняться в зависимости от существующего в стране государственно-политического строя.

На основании социалистического кодекса чести строить свою жизнь на базе принципов коммунистической морали значило высоко нести свою честь и достоинство. Вместе с тем, считалось, что данные блага советского человека измеряются объемом его общественно-полезного труда, осуществлением общественного долга и вкладом в строительство коммунизма. На основании указанного, индивидуальная ценность чести и достоинства как таковая не принималась во внимание, и на первое место выдвигалась, так именуемая, «коллективная честь», которая, соответственно, могла способствовать формированию у личности сознания собственного достоинства. Под «коллективной честью» подразумевалось «присущее определенной личности либо группе лиц чувство большого удовлетворения достоинствами и успехами не своими лично, а того коллектива, к которому она принадлежит». При этом, в термин «коллектив» включалось как осмысление коллектива в узком понимании слова, так и таких явлений, как страна, партия, народ. Провозглашение приоритета коллективной чести помимо идеологического, имело чисто практическое значение: с позиции действий экономических рычагов в управлении производством указанный принцип позволял ставить оплату труда каждого

работника в более тесную зависимость от успехов производственного коллектива [33, с. 39].

Одним из ключевых положений социалистического кодекса чести было то, что каждому определенному гражданину, коллективу в целом, честь оказывается за осуществление общественного долга. А именно наличие анализируемых нематериальных благ ставилось в зависимость от степени выполнения общественного долга. В свою очередь, считалось, что человек, не занятый в общественном производстве, не обладает честью и достоинством в той степени, в какой ею обладает работающий человек.

Таким образом, наличие права на честь и достоинство в советском праве, думается, подразумевало определенное неравенство, основанное на том, какую ступень в жизни общества занимает тот либо другой человек. Также механизм «оказания чести» имел еще и прагматическое значение: он выступал мощным стимулом к труду, к одобряемому идеологией поведению.

Анализируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что мысль, высказанная в свое время отечественным юристом, ученым В.А. Придворовым о том, что «для социалистического права мерой всех вещей выступает не абстрактный, а реальный человек как мыслящее и активно действующее существо» [41, с. 209], представляется не совсем соответствующей реальности.

Теоретические положения юридической доктрины советского времени подтверждают то, что в коммунистической идеологии ценность каждого определенного человека, в том числе, ценность его чести и достоинства, вторична по отношению к коллективной (общественной). Данная ценность признается до тех пор, пока она не идет вразрез коммунистическому представлению о чести и достоинстве личности.

В условиях реализации социально-экономических реформ, смены политического курса, довольно значимым выступило предусмотрение в Законе СССР «О печати и других средствах массовой информации» от 12 июня 1990 г., а также в Основах гражданского законодательства СССР от 31 мая 1991 г. нормы о защите чести и достоинства и способе их защиты, включая компенсацию морального вреда. Именно с данного момента в гражданском праве начинается практическое использование гражданско-правовых механизмов защиты рассматриваемых нематериальных благ, и конкретно с этого момента складываются первые прецеденты в обозначенной сфере [62, с. 152].

Согласно п. 1 ст. 152 ГК РФ гражданин имеет право требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство либо деловую репутацию сведений, если распространивший подобные сведения не докажет, что они соответствуют реальности [6]. Под распространением вышеуказанных сведений, необходимо подразумевать опубликование данных сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кино, телепрограммах и иных СМИ, распространение в сети Интернет, а также с применением других средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, либо сообщение в той либо другой, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу.

Сообщение подобных сведений лицу, которого они касаются, не может считаться их распространением, если лицом, сообщившим указанные сведения, были приняты достаточные меры конфиденциальности, с тем чтобы они не стали известны третьим лицам.

Порочащими, в частности, выступают сведения, включающие утверждения о нарушении действующего законодательства, осуществлении нечестного поступка, неэтичном, неправильном поведении в личной, политической либо общественной жизни, недобросовестности при реализации предпринимательской и производственно-хозяйственной деятельности, нарушении деловой этики либо обычаев делового оборота, которые умаляют анализируемые нематериальные блага гражданина [40, с. 55].

По мнению автора, порочащими выступают сведения, включающие утверждения о нарушении физическим лицом или организацией действующего законодательства, осуществлении нечестного поступка, неэтичном, неправильном поведении в политической, общественной либо личной жизни, недобросовестности при реализации предпринимательской и производственно-хозяйственной деятельности, нарушении деловой этики либо обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство физического лица либо деловую репутацию физического лица либо организации.

В принципе в соответствии с п. 10 ст. 152 ГК РФ можно требовать опровержения не только порочащих, но и любых сведений, не соответствующих реальности. Вместе с тем, прежде всего, истец сам обязан доказать, что указанная информация не соответствует реальности, кроме того, на данные случаи не распространяется такой способ защиты, как компенсация морального вреда. Также срок исковой давности по требованиям, предъявляемым в связи с распространением соответствующей информации в СМИ, образует 1 год со дня опубликования данной информации в определенных СМИ.

Вместе с тем, следует принимать во внимание, что закон предъявляет особые требования к защите частной жизни граждан несовершеннолетнего возраста и, прежде всего, к защите их права на неприкосновенность частной жизни. Данное право подростка закрепляется в ст. 16 Конвенции «О правах ребенка». В ней, в частности, предусмотрено: «Ни один ребенок не может быть объектом незаконного либо произвольного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь, семейную жизнь, тайну корреспонденции либо неприкосновенность жилища либо незаконного посягательства на его честь и репутацию. Подросток обладает правом на защиту закона от подобного посягательства либо вмешательства» [42, с. 24]. Иными словами, речь идет о тех же правах личности, которые представлены в ст. ст. 21, 23, 25 Конституции РФ. В отдельных законах федерального уровня закреплены положения, которые, с одной стороны, детализируют представленные права, с другой стороны, устанавливают комплекс ограничений, в том числе, в отношении подростков. Так, в ст. 41 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» предусмотрено, что редакция не обладает правом разглашать в распространяемых материалах и сообщениях данные, непосредственно либо косвенно указывающие

на личность подростка, осуществившего преступное деяние либо подозреваемого в его осуществлении, а равно административное правонарушение либо антиобщественное действие без согласия самого потерпевшего и его законного представителя. Редакция не имеет права разглашать в распространяемых материалах и сообщениях данные, непосредственно либо косвенно указывающие на личность подростка, признанного потерпевшим, без согласия самого подростка и (либо) его законного представителя [9].

В ч. 6 ст. 4 и в ч. 4 ст. 41 данного Закона закреплен детальный перечень информации о личности подростка потерпевшего, не подлежащей распространению. «Находится под запретом распространение в СМИ, а также в информационно-телекоммуникационных сетях информации о подростке, пострадавшем в результате незаконных действий (бездействия), включая ФИО, фото- и видеоизображения указанного ребенка, его родителей и других законных представителей, дату рождения данного подростка, аудиозапись его голоса, место его жительства либо место временного пребывания, место его работы либо учебы, другие сведения, позволяющие непосредственно либо косвенно определить личность данного подростка, кроме случаев, когда распространение указанных сведений производится в достижении защиты прав и законных интересов подростка, пострадавшего вследствие осуществления незаконных действий (бездействия). В указанных случаях данные сведения могут быть распространены в СМИ, а также в информационно-коммуникационных сетях: 1) с согласия подростка, достигшего возраста 14 лет, и его законного представителя; 2) с согласия законного представителя подростка, не достигшего возраста 14 лет и пострадавшего вследствие осуществления против него незаконных действий (бездействия); 3) без согласия подростка потерпевшего и (либо) его законного представителя, если получить данное согласие не представляется возможным либо если сам законный представитель подростка выступает обвиняемым либо подозреваемым в осуществлении против данного подростка обозначенных незаконных действий» [65, с. 263].

Как видно из названия указанной статьи, данные сведения являются конфиденциальными и касаются частной жизни ребенка, даже если информация, распространяемая в СМИ, соответствует реальности, ввиду того, что по смыслу ст. 10 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» в ее толковании в постановлениях ЕСПЧ категория диффамации тождественна термину распространения информации, порочащей честь и достоинство физического лица [2]. Если указанная информация все же распространена, законный представитель подростка согласно ст. 46 данного Закона получает право на ответ (комментарий, реплику) в том же СМИ, в каком они были распространены.

Указанное предписание уточнено и детализировано ФЗ от 29 декабря 2010 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [7].

Специальные указания на данный счет представлены в п. 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 г. № 1. «На основании Пекинских правил 1985 г. право на конфиденциальность сведений о подростке

подсудимом, обвиняемом, подозреваемом должно обеспечиваться на всех стадиях процесса, чтобы избежать причинения подростку ущерба и вреда его репутации.

На основании указанных рекомендаций, судам следует не допускать рассмотрение уголовных дел в отношении подростков и материалов об осуществленных ими правонарушениях с участием представителей СМИ, а также использование видео- и фотосъемки подростков правонарушителей и потерпевших в залах заседаний суда и в иных судебных помещениях, кроме случаев, когда подросток и (либо) его законный представитель ходатайствуют об этом» [15].

Также на основании ст. ст. 150, 151 ГК РФ подросток обладает правом на компенсацию морального вреда, если будет установлено, что разглашением информации, ущемляющей его законные интересы, ему причинены нравственные и (либо) физические страдания. Хотя указанные статьи закона не содержат предписаний о возрасте, с которого потерпевший обладает правом предоставлять или не предоставлять согласие на распространение информации относительно его частной жизни, или обращаться в редакцию с требованием о предоставлении ему права на ответ (комментарий, реплику), при этом, думается, что указанные действия подросток может самостоятельно совершать по достижении возраста 14 лет. Вместе с тем, обращаться в суд с требованием о защите его частной жизни и компенсации морального вреда на основании положений, предусмотренных в ст. 46 Конституции РФ о праве каждого на защиту судом, сам подросток не имеет права, ввиду того, что указанное право не закреплено ни ст. 152 ГК РФ, ни Законом «О средствах массовой информации». Его права и законные интересы защищает его законный представитель. Однако, суды должны привлекать к участию в деле самого подростка, достигшего возраста 14 лет.

Не соответствующими реальности данными выступают утверждения о фактах либо событиях, которые не были в реальности во время, к которому определены оспариваемые данные. Не могут рассматриваться как не соответствующие реальности данные, представленные в решениях и приговорах суда, постановлениях следственных органов и иных процессуальных либо других официальных источниках, для обжалования и оспаривания которых закреплен другой предусмотренный законами судебный порядок (к примеру, не могут быть опровергнуты в порядке ст. 152 ГК РФ данные, представленные в приказе об увольнении, так как данный приказ может быть оспорен лишь в порядке, установленном ТК РФ) (п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3) [17].

Иски по делам обозначенной категории могут предъявить физические лица, которые полагают, что о них распространены не соответствующие реальности порочащие данные. При распространении подобной информации в отношении недееспособных либо несовершеннолетних иски о защите их чести и достоинства могут предъявить их законные представители. По требованию заинтересованных лиц возможна защита анализируемых нематериальных благ физического лица и после его смерти. Заинтересованность данных лиц состоит в том, что умаление чести и достоинства умерших каким-нибудь образом задевает также

нематериальные блага живущих, прежде всего, участников семьи умершего. Как указал высший судебный орган, подобные иски могут предъявить не только родственники, но и наследники умершего.

Судебная защита рассматриваемых нематериальных благ лица, в отношении которого распространены не соответствующие реальности порочащие данные, не исключается также в случае, когда не представляется возможным определить лицо, распространившее указанную информацию (к примеру, при передаче анонимных писем в адрес физических и юридических лиц или распространении информации в сети Интернет лицом, которое не представляется возможным идентифицировать). Согласно п. 8 ст. 152 ГК РФ суд в данном случае обладает правом по заявлению заинтересованного лица признать распространенные в отношении его данные не соответствующими реальности, порочащей информацией. Указанное заявление подлежит рассмотрению в порядке особого производства [39, с. 4].

На основании п. 1 ст. 152 ГК РФ обязанность доказывать соответствие реальности распространенных данных лежит на ответчике. Истец обязан доказать факт распространения информации лицом, к которому подан иск, а также порочащий характер данной информации.

В случае, когда физическим лицом, в отношении которого СМИ опубликованы соответствующие реальности данные, ущемляющие его права и охраняемые законом интересы, оспаривается отказ редакции СМИ опубликовать его ответ на указанную публикацию, истец обязан доказать, что распространенная информация ущемляет его права и охраняемые законом интересы.

Если субъективное мнение было высказано в оскорбительной форме, унижающей анализируемые нематериальные блага истца, на ответчика может быть возложена обязанность компенсации морального вреда, причиненного истцу оскорблением (п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3).

Если информация, порочащая рассматриваемые нематериальные блага физического лица, распространена в СМИ, она должна быть опровергнута в тех же СМИ. В случае, когда выпуск СМИ, в котором были распространены такие данные, на время рассмотрения спора прекращен, суд обладает правом обязать ответчика за свой счет предоставить опровержение либо оплатить публикацию ответа истца в ином СМИ.

Если обозначенная информация представлена в документе, исходящем от организации, данный документ подлежит отзыву либо замене [44, с. 87].

В случаях, когда информация, порочащая нематериальные блага физического лица, стала широко известна и в связи с этим опровержение не представляется возможным довести до всеобщего сведения, лицо обладает правом требовать удаления определенной информации, а также пресечения либо запрещения последующего распространения данной информации посредством уничтожения и изъятия без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, включающих обозначенную информацию, если без уничтожения данных экземпляров

материальных носителей удаление указанной информации не представляется возможным (п. 4 ст. 152 ГК РФ).

Если информация, порочащая рассматриваемые нематериальные блага гражданина, оказалась после ее распространения доступной в сети Интернет, указанное лицо обладает правом требовать удаления представленных сведений, а также опровержения обозначенных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети Интернет (п. 5 ст. 152 ГК РФ). Во всех иных случаях на основании п. 6 ст. 152 ГК РФ порядок опровержения определяется судом.

При удовлетворении иска в резолютивной части решения суд должен обозначить способ опровержения не соответствующих реальности порочащих сведений и при потребности изложить текст данного опровержения, где должно быть обозначено, какие конкретно данные выступают не соответствующими реальности, порочащими сведениями, когда и как они были распространены, а также установить срок (применительно к предусмотренному ст. 44 Закона РФ «О средствах массовой информации»), в течение которого оно должно последовать [65, с. 269].

Отдельно следует обратить внимание на то, что в современном гражданском законодательстве презумпция морального вреда ни прямо, ни косвенно не предусмотрена. В представленной связи, согласно ст. 56 ГПК РФ присутствие морального вреда, а именно наличие переживаний, их интенсивность и характер, обязан доказать сам потерпевший. Как правило, в качестве доказательств в указанных судебных процессах применяются разного рода материалы правоохранительных органов и медицинские документы, в которых закреплены полученные телесные повреждения, длительность расстройства здоровья, характер предоставленной медицинской помощи, последствия, которые в будущем могут возникнуть.

Очевидным выступает то обстоятельство, что присутствие морального вреда реально доказать лишь в случае, когда физические и нравственные страдания потерпевшего имеют какие-нибудь внешние проявления, в качестве которых, большей частью, выступает ухудшение здоровья. Не секрет, что переживания в душе человека не всегда могут влечь столь очевидные последствия, видные посторонним, на основании чего доказывание факта причинения морального вреда в данных случаях довольно проблематично.

Думается, что презюмирование морального вреда будет способствовать и упрощению доказательственной деятельности в суде, а также ликвидации противоречий между сформировавшейся практикой судов и современным законодательством.

Обзор практики отечественных судов по вопросам защиты анализируемых нематериальных благ говорит о том, что суды и в настоящее время фактически используют презумпцию морального вреда. При установлении факта неправомерного действия они автоматически признают моральный вред причиненным и затем разрешают только вопрос о величине компенсации. В данной связи, представляется целесообразным предусмотреть в ст. 151 ГК РФ

презумпции причинения морального вреда любым незаконным посягательством на неимущественные права потерпевшего. Это, с одной стороны, освободит истца от потребности доказывать факт присутствия физических либо нравственных страданий, а с иной – даст шанс нарушителю опровергнуть указанную презумпцию, доказав, что его поведение не повлекло подобных последствий. Ст. 151 ГК РФ необходимо представить в следующей редакции «Гражданин имеет право требовать денежной компенсации морального вреда (нравственных и физических страданий), причиненного действиями, нарушающими его личные неимущественные права или посягающими на принадлежащие гражданину иные нематериальные блага, если причинитель вреда не докажет отсутствие указанных страданий у потерпевшего. В иных случаях, установленных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации обозначенного вреда...».

По мнению автора, вопрос о чести, достоинстве и деловой репутации был и остается одним из очень значимых вопросов. Несмотря на разные катаклизмы, происходящие в нашем социуме и стране, большей частью, по причинам политико-правовой и экономической нестабильности, проблема личности, ее прав и свобод не теряет своей актуальности. Неослабевающий интерес к данной проблеме обусловлен как естественными потребностями, так и запросами самого индивида – личности.

Таким образом, право на анализируемые нематериальные блага прошло в своем развитии и становлении долгий путь. Свои истоки право на защиту нематериальных благ берет в римском частном праве. Первоначально в гражданском праве советского времени категории чести и достоинства нашли свое предвидение в Основах гражданского законодательства СССР и союзных республик, принятых Верховным Советом СССР 08 декабря 1961 г. (до этого анализируемые нормы закреплялись лишь уголовными законами союзных республик). Позже в ГК РСФСР 1964 г. было включено предписание относительно гражданско-правовой охраны чести и достоинства. Вместе с тем, признается, что в советскую эпоху право физических лиц на судебную защиту от посягательств на вышеуказанные нематериальные блага имело декларативный характер и не формировало действительной возможности реализации провозглашенной правовой защиты. Современный этап правового регламентирования права на защиту чести, достоинства и деловой репутации отличается присутствием реально действующего механизма защиты анализируемого права. Думается, что в настоящее время нормы законодательства в анализируемой сфере нельзя признавать декларативными, они предусмотрены не только на бумаге, но и, на самом деле, подлежат реализации на практике.

1.3 Субъекты и содержание права на защиту чести, достоинства и деловой репутации

Рассматриваемые нематериальные блага реально существуют ввиду того, что лица вступают в многообразные и сложные отношения между собой, в социальные отношения. Данные отношения регулирует право посредством предусмотренных в своих нормах определенной модели правовых отношений, когда один субъект – носитель права, иной – носитель субъективной обязанности.

Право на честь, достоинство и деловую репутацию имеет огромное значение для субъектов права. Данные права определены к гражданским немущественным, которые непосредственно связаны с личностью субъекта права [49, с. 36].

Государство, наделяя граждан и организаций указанными правами, обеспечивает необходимую систему гарантий. До момента нарушения анализируемых нематериальных благ граждан либо организаций, государство охраняет указанные нематериальные блага посредством всеобщей обязанности воздерживаться от их нарушения. В случае если произошло нарушение, то гражданско-правовые нормы способны регламентировать образовавшиеся правовые отношения.

Право на честь, достоинство, в первую очередь, – личные права, которые существуют постоянно, вне зависимости от того нарушены они либо нет. Вышеуказанные права абсолютно невозможно передать иному лицу либо отказаться от них, они принадлежат с момента рождения только самому человеку.

По мнению автора, право индивида на честь и достоинство – это один из наиболее значимых общепризнанных элементов института прав человека. Человек и гражданин может осуществлять это право и вытекающие из него права и свободы, а также защищать их в случае нарушения, руководствуясь Конституцией РФ.

Думается, что право на честь и достоинство имеет высшее, основополагающее, принципиальное значение и поэтому должно гарантироваться государством при любых обстоятельствах.

Субъекты права на анализируемые нематериальные блага, благодаря правовым нормам получают уверенность в том, что их поведение, поступки и деятельность будут правильно оценены, если, конечно же, сами субъекты права поступают в соответствии с требованиями закона, морали и правил поведения в обществе.

В специализированной литературе указывается, что в содержание рассматриваемого права входят правомочия по владению, пользованию и изменению чести, достоинства, деловой репутации.

Правомочие по владению состоит в возможности обладать соответствующими нематериальными благами без обращения за содействием третьих лиц и требовать от других лиц не нарушать данные блага.

Правомочие пользования предоставляет возможность использовать сформировавшиеся в социуме представления о себе в личной, общественной,

трудовой и других областях деятельности. В отдельных случаях, в правовых источниках предусматриваются последствия умаления чести физического лица в связи с его незаконным либо реже правомерным, но отрицательным с подхода морали, поведением. Так, не могут быть назначены опекунами либо попечителями лица, лишённые родительских прав. Данный пример указывает на то, что лишение родительских прав анализируется законодателем как основание для изменения социальной оценки свойств и качеств бывшего родителя.

Правомочие по изменению содержания чести и деловой репутации может быть осуществлено, в частности, посредством оформления сделок, ориентированных на формирование имиджа. На сегодняшний день в нашей стране и в других государствах образованы организации (большой частью, рекламные агентства), которые занимаются за плату в соответствии с соглашением с определенным человеком формированием и утверждением его имиджа (большую часть которого образует формирование оценки личности обществом, а именно чести) [65, с. 269].

По мнению автора, содержание субъективного права на честь и достоинство включает в себя четыре правомочия: право выбора индивидуального стиля поведения; пользоваться такими нематериальными благами, как честь и достоинство; требовать от государства, социума и каждого определенного его участника уважения чести и достоинства; прибегнуть в необходимых случаях к мерам государственного принуждения в лице судебных органов.

Граждане являются основными субъектами права на защиту чести, достоинства и деловой репутации. Граждане принимают активное участие в гражданском обороте и являются важнейшими субъектами гражданских прав и обязанностей. В ГК РФ (глава 3) наряду с понятием «граждане» как синоним используется понятие «физическое лицо». К физическим лицам гражданское законодательство относит не только российских граждан, но и иностранцев, и лиц без гражданства, находящихся на территории РФ. Они, как правило, пользуются такими же правами и обязанностями, что и российские граждане.

Особой категорией субъектов права на защиту чести, достоинства и деловой репутации являются должностные лица (государственные служащие и др.) – лица, выполняющие свои профессиональные (служебные) обязанности.

Так, к примеру, сотрудники ОВД обладают правом на защиту чести, достоинства и деловой репутации. Сотрудники полиции добровольно возлагают на себя обязанность соответствовать предъявляемым требованиям, добросовестно исполнять установленные обязанности и соблюдать запреты. Однако в процессе решения служебных задач, связанных с охраной общественного порядка и обеспечением общественной безопасности, полицейские нередко сталкиваются не только с непосредственной угрозой жизни и здоровью, но и с фактами дискредитации их чести и достоинства, деловой репутации. Честь, достоинство, репутация – важные качества для сотрудника правоохранительных органов, по своему содержанию являются категориями нравственного, этического характера.

Думается, что честь и достоинство сотрудника ОВД – это комплекс нравственных качеств, выражающихся в выполнении служебного долга, повседневной деятельности, признанных общественным мнением социально

значимыми, а также осознание сотрудником своей ценности (значимости) и профессиональной принадлежности. В настоящее время, в обстановке глубоких реформ в ОВД, в связи с их обновлением и демократизацией, значение и роль чести и достоинства сотрудников ОВД неизмеримо возрастают, что обуславливает потребность совершенствования их правовой защиты.

Деятельность полиции основана на нравственных принципах гуманизма, законности, справедливости, объективности, что предъявляет определенные требования к личным качествам сотрудника, необходимые в его профессиональной деятельности [52, с. 58].

По мнению автора, организация защиты чести, достоинства, деловой репутации сотрудника ОВД выражает собой комплексную целенаправленную деятельность, включающую работу с личным составом, формирование положительного имиджа сотрудника ОВД, предоставление поддержки сотруднику при обращении в суд по защите чести, достоинства и деловой репутации.

В последние годы число обращений в судебные органы за защитой чести и достоинства личности, деловой репутации увеличилось, появились иски заявленные и от сотрудников правоохранительных органов.

Обращения в судебные органы за защитой нарушенного права выявили ряд проблем, связанных с разрешением данной категории дел, например, как быть, если неизвестно лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, а установить его не представляется возможным. Практика разрешения судами споров по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации также свидетельствует о том, что существует неопределенность относительно того, что понимать под формулировкой «порочащие сведения».

Рассматриваемые категории имеют этический, моральный характер.

ГК РФ не раскрывает данные категории, определяя их к нематериальным благам, подлежащим защите в порядке, закрепленном ст. 152 ГК РФ. Также в процессе должно быть доказано, что соответствующая информация умаляет честь и достоинство индивида, выступает порочащей и, вместе с тем, не соответствует реальности [38, с. 16].

На основании правового подхода, представленного в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «несоответствующими реальности сведениями выступают утверждения о событиях либо фактах, которые были на самом деле во время, к которому определены оспариваемые сведения. Порочащие – это данные, включающие утверждения о нарушении физическим лицом либо организацией современного законодательства, осуществлении нечестного поступка, неэтичном, неправильном поведении в личной, политической, общественной жизни, недобросовестности при реализации предпринимательской и производственно-хозяйственной деятельности, нарушении деловой этики либо обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство физического лица либо деловую репутацию физического лица либо организации» [17]. Полагаем, что разъяснения высшего судебного

органа в определенной мере носят оценочный характер, ввиду того, что лишь суд при оценке всех предоставленных доказательств может ответить на вопрос: были ли нечестный поступок, неэтичное поведение, умаляющие честь и достоинство?

На основании ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд устанавливает, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне необходимо их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-нибудь из них не ссылались. Также при рассмотрении анализируемой категории дел одним из юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению, выступает характер распространенных сведений (а именно эта информация – оценочное суждение, убеждение, мнение либо утверждение о фактах). Так, в районном суде г. Омска в марте 2016 г. подлежал рассмотрению гражданский иск полковника полиции К. о защите чести, достоинства и деловой репутации, компенсации морального вреда. До обращения в суд была осуществлена служебная проверка, по итогам которой сведения, порочащие К., не подтвердились.

В обоснование требований по иску К. отметил, что в феврале 2015 г. на сайте еженедельного журнала «Бизнес-Курс» была опубликована статья «Скажется ли на карьере К. странная гибель его подчиненного?». К данной статье был оставлен ряд комментариев, отдельные из них порочат, как указывает истец, его честь, достоинство и деловую репутацию, выступая для него оскорбительными. В них включались сведения о том, что К. принимает материальные ценности, денежные средства от лиц, занимающихся незаконным предпринимательством, связанным со спиртной продукцией, с маршрутными перевозками и с материнским капиталом, за предоставление им содействия. В обоснование легальности требований истца было предоставлено экспертное заключение по вопросу оценки данных комментариев. Экспертом было осуществлено лингвистическое исследование текста в целях определения его смыслового содержания, вследствие чего сформулирован безусловный вывод об отсутствии мнения, суждения, убеждения оценочного характера. Указанные комментарии, по заключению специалиста, выступают утверждением фактов [51, с. 46].

Суд при разрешении споров о защите чести и достоинства исходит из ключевого правового принципа – юридического равенства всех перед законом и судом, вне зависимости от того, реализует субъект публичные функции или нет. Это связано с тем, что ГК РФ не осуществляет дифференциацию субъектов по критерию реализации ими функциональных обязанностей, по выполнению деятельности, имеющей публичный характер.

В обзоре практики рассмотрения судами РФ дел о защите анализируемых нематериальных благ отмечалось, что публичность не оказывает воздействия на судебный подход при разрешении вопросов о правах, обязанностях и ответственности, предусмотренных нормативными правовыми источниками РФ.

Таким образом, можно сформулировать вывод, что сотрудники ОВД при разрешении в суде дел о защите чести и достоинства обладают равными правами с иными физическими лицами.

На основании ст. 152 ГК РФ истец должен доказать распространение ответчиком обозначенных сведений и их порочащий характер, а ответчик обязан доказать их соответствие реальности.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 09 июля 2013 г. № 18–П отметил, что «на основании ст. 152 ГК РФ физическое лицо имеет право требовать по суду опровержения порочащих его нематериальные блага сведений, если распространивший указанную информацию не докажет, что они соответствуют реальности (п. 1); лицо, в отношении которого распространена информация, порочащая его анализируемые нематериальные блага, имеет право, наряду с опровержением указанных сведений, требовать возмещения морального вреда и убытков, причиненных их распространением (п. 5); если установить лицо, распространившее информацию, порочащую честь, достоинство либо деловую репутацию физического лица, не представляется возможным, лицо, в отношении которого данные сведения распространены, имеет право обратиться в суд с заявлением о признании распространенной информации не соответствующей реальности» [13].

Исследование практики судов позволяет сформулировать вывод о том, что по обнаруженным фактам дискредитации сотрудники зачастую не обращаются в суд для опровержения порочащей информации. Причины являются различными: длительность и громоздкость процедуры, необходимой для судебного рассмотрения и разрешения спора, малозначительность деяния, загруженность сотрудника, не имеющего свободного времени, неприятность самой процедуры, в процессе которой подлежат установлению моральные качества, деловая репутация сотрудника, соответствие порочащих сведений реальности. Существо гражданско-правовой защиты анализируемых нематериальных благ состоит в восстановлении прежнего правового состояния человека и этической реабилитации потерпевшего. В значительной части случаев при обращении в суд за защитой чести и достоинства решения судом выносятся в пользу сотрудников с дальнейшим опровержением порочащей информации в СМИ. К примеру, 19 мая 2015 г. на сайте «БК55» размещены сведения, не соответствующие реальности, порочащие честь и достоинство сотрудника ОВД В. В редакцию «БК55» 25 мая 2015 г. обратился В. в целях опровержения. Редакция сайта не отреагировала должным образом, в связи с этим, 29 июня 2015 г. В. обратился в районный суд г. Омска с исковым заявлением. По итогам рассмотрения судом гражданского дела 20 августа 2015 г. достигнуто мировое соглашение, редакцией сайта размещено опровержение и выплачена денежная компенсация [67].

Субъектами гражданских правоотношений наряду с физическими лицами выступают и юридические лица – организации, которые на основании ст. 48 ГК РФ имеют в собственности, хозяйственном ведении либо оперативном управлении обособленное имущество и отвечают им по своим обязательствам, могут от своего имени приобретать и реализовывать имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, выступать истцами и ответчиками в суде, имеют самостоятельный баланс либо смету. Как и физические лица,

организации обладают конкретными нематериальными благами, свойственными каждому из них в большей либо меньшей степени.

Перечень подобных благ, принадлежащих организации, на порядок уже, чем нематериальных благ, которыми обладает физическое лицо, что проистекает из юридической природы организации как «персонифицированного имущества, отделенного от своего людского субстрата».

Организация не может испытывать страдания. Она вообще многого сама не может, не может, к примеру, реально выступать истцом и ответчиком в суде, ввиду того, что в судебном процессе требуется личное присутствие, а организация – это определенная нематериальная субстанция, сложный комплекс единения имущества, неимущественных прав и людских ресурсов. В практических целях законодатель вынужден был найти в структуре организации тех лиц, которые будут представлять соответствующую организацию. Любое юридическое лицо во всем зависит от руководителя и учредителей (акционеров). Понятно, что организации не берутся ниоткуда, они формируются с помощью принятия решения об образовании одним либо несколькими лицами путем объединения капиталов. Но одних имущественных средств мало для формирования личности, необходимо, чтобы каждый из учредителей вложил часть своего интеллекта для образования общего интеллектуального ресурса – собственно личности юридического лица [65, с. 270].

По мнению автора, деловая репутация юридического лица – сложившееся мнение третьих лиц о деловых (профессиональных) качествах организации.

Считается, что нематериальные блага организации (в частности, деловая репутация) имеют комплекс признаков, отличающих их от нематериальных благ, принадлежащих физическому лицу (к примеру, возможность отчуждения в пользу третьего лица, возможность денежной оценки и др.). На основании п. 11 ст. 152 ГК РФ правила ст. 152 ГК РФ о защите деловой репутации физического лица, кроме норм о компенсации морального вреда, соответственно применяются к защите деловой репутации организации [52, с. 54].

Думается, что к отличительным особенностям деловой репутации организации относятся, прежде всего, отчуждаемость и оцениваемость.

Е.В. Игнатъевой была проанализирована судебная практика Арбитражного суда Республики Бурятия по делам о защите деловой репутации организаций за период январь 2012 – июнь 2016 г.г. Практика судов по рассматриваемой категории дел в Республике Бурятия свидетельствует о том, что число обращений организаций по данной категории дел повышается с каждым годом. Всего за период с 2012 по июнь 2016 г. Арбитражным судом Республики Бурятия было рассмотрено 31 дело о защите деловой репутации. В частности, за 2012 г. Арбитражным судом Республики Бурятия рассмотрено 9 дел, по двум из которых исковые требования удовлетворены; за 2013 г. – 4 дела, требования удовлетворены только по одному делу. В 2014 г. число рассматриваемых дел увеличилось до 5, исковые требования удовлетворены по одному делу. В 2015 г. рассмотрено уже 11 исков, по двум из них требования удовлетворены. За первое

полугодие 2016 г. рассмотрено 2 дела, по обоим делам судом отказано в иске [42, с. 24].

Согласно статистическим данным по Республике Бурятия, удовлетворение исковых требований по рассматриваемой категории дел в процентном соотношении с общим количеством обращений составляет лишь 19,4 %. Указанное обстоятельство объясняется, в первую очередь, сложностью доказывания по делам о защите деловой репутации. Особенно в тех случаях, когда порочащие и несоответствующие действительности сведения распространены в сети Интернет: проблемы оперативной фиксации факта распространения сведений на сайте, а также определения надлежащих ответчиков по делу. В процессе доказывания возникают проблемы с отнесением распространенных сведений к порочащим и несоответствующим действительности или к личным суждениям автора, выражением им субъективного мнения, которое не может являться предметом судебной защиты.

Согласно статистическим данным за 2012 г., были заявлены требования на сумму 1 360 000 рублей, арбитражным судом взыскано 39 000 рублей. В 2013 г. сумма заявленных требований составила 1 100 000 рублей, в то время как взысканная сумма составила всего 8000. В 2014 г. требования о компенсации нематериального вреда заявлены на сумму 2 500 000, взыскано судом 0 рублей. За 2015 г. истцы просили взыскать 4 100 000 рублей, суд не удовлетворил заявленные требования. Наконец в 2016 г. требования о компенсации нематериального (репутационного) вреда истцами – юридическими лицами не заявлялись [42, с. 24].

Думается, что данный факт объясняется спецификой субъекта – юридического лица, которому причинен нематериальный вред. В современной правовой литературе господствует мнение, согласно которому юридическое лицо является «искусственным субъектом оборота, созданным для достижения определенной цели» и, соответственно, не может испытывать физических и нравственных страданий. Однако в настоящее время арбитражные суды допускают возможность компенсации нематериального вреда юридическим лицам. Следует отметить, что возможность взыскания репутационного вреда в пользу юридических лиц за нарушение права на деловую репутацию подтверждается также правовой позицией Конституционного суда РФ и практикой Европейского суда по правам человека.

В свете изложенного возникает вопрос, если арбитражные суды признают право на компенсацию репутационного вреда, чем обусловлено такое небольшое количество взыскиваемых сумм по его возмещению? При рассмотрении дел о защите деловой репутации арбитражный суд, отказывая в удовлетворении исковых требований в части взыскания компенсации нематериального вреда, указывает на те обстоятельства, что истцом не представлено доказательств причинения нематериального вреда, убытков, а также характера последствий, наступивших для истца, в результате опубликования статьи [42, с. 25].

Думается, что крайне затруднительно доказать факт наступления неблагоприятных последствий в результате распространения порочащих сведений

для юридического лица, а также возникновения в связи с этим убытков. Даже при наличии соответствующих негативных последствий, выразившихся, например, в оттоке инвесторов и клиентов, значительных финансовых потерь, возникают трудности доказывания причинно-следственной связи между действиями ответчика и наступившими последствиями.

Кроме того, невозможно рассчитать точную сумму вызванных подобными обстоятельствами убытков. Если не соответствующие действительности, порочащие сведения распространены в СМИ, суд, определяя размер компенсации морального вреда, должен учесть характер и содержание публикации, а также степень распространения недостоверных сведений. При этом подлежащая взысканию сумма компенсации должна быть соразмерна причиненному вреду и не вести к ущемлению свободы массовой информации.

В законодательстве отсутствуют четкие критерии определения размера компенсации нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам за нарушение права на деловую репутацию.

Считается, что четкие критерии размера возмещения при рассмотрении данной категории дел не могут быть предусмотрены, поскольку специфика вреда такова, что в каждой конкретной ситуации необходима индивидуальная оценка степени и характера наступивших неблагоприятных последствий. Вместе с тем, указание в законодательстве на минимальный и максимальный размер компенсации за причиненный репутационный вред будет способствовать созданию упорядоченной судебной практики.

Как следует из анализа судебной практики, еще одной проблемой и причиной отказа в удовлетворении требований по данной категории дел является личное мнение и личные суждения автора, в которых дается субъективная оценка происходящей ситуации. Данные суждения нельзя проверить на предмет их соответствия действительности, они не могут быть проверены на предмет судебной защиты по смыслу ст. 152 ГК РФ. При рассмотрении дел о защите деловой репутации юридических лиц судом исследуется каждое предложение, заявленное истцом на предмет наличия порочащих и не соответствующих действительности сведений. Арбитражный суд, непосредственно изучив содержание статьи, телесюжета, устанавливает буквальный смысл слов и выражений, использованных в статье (телесюжете) и делает вывод, являются ли они утверждениями о фактах или носят предположительный характер.

Использование в статье таких слов, как «похоже», «кстати», «по словам», «как видим», «как сообщил», свидетельствует о характере суждения автора статьи (телесюжета). В свою очередь, суждения являются выражением субъективного мнения лица, которое может или не может соответствовать действительности, с ним можно не соглашаться, но оспорить в судебном порядке невозможно.

Таким образом, субъектами права на защиту чести, достоинства и деловой репутации могут быть как физические лица, так и юридические лица. Однако, перечень нематериальных благ, принадлежащих юридическому лицу, значительно уже, чем нематериальных благ, которыми обладает гражданин, что проистекает из правовой природы юридического лица. Особой категорией субъектов права на

защиту рассматриваемых нематериальных благ являются должностные лица (государственные служащие и др.) – лица, выполняющие свои профессиональные (служебные) обязанности. В содержание анализируемого права входят правомочия по владению, пользованию и изменению чести, достоинства, деловой репутации.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы по первой главе выпускной квалификационной работы:

- среди нематериальных благ важнейшими являются честь, достоинство и деловая репутация. В советский период вышеуказанные категории были закреплены в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, принятых Верховным Советом СССР от 8 декабря 1961 г. Стоит отметить, что на практике данная норма не применялась в связи с командно-плановой экономикой государства, которая породила отсутствие конкуренции между предприятиями. Данное положение не рассматривалось и не разрабатывалось. ГК РСФСР 1922 г. также имеет историческую значимость в отношении данной темы. Этот кодифицированный акт не раскрывал предмета регулирования, а содержал лишь положение о том, что гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществлялись в противоречии с их социально-хозяйственным предназначением. В числе объектов прав называлось лишь имущество. Позднее в ГК РСФСР 1964 г. было включено положение, касающееся гражданско-правовой охраны чести и достоинства. Ст.1 установила, что в случаях, предусмотренных законом, кодекс регулирует также и иные личные неимущественные отношения. Из толкования данной нормы следует, что к личным неимущественным отношениям относились отношения, не связанные с имущественными, и они подлежали урегулированию только в случаях прямого указания в законе. Коренное изменение в общественной и законодательной сфере произошло в 90-е гг. прошлого века: экономический и социальный уклад страны изменил ситуацию в отношении нематериальных благ;
- в современном законодательстве регулирование данного вопроса осуществляется основными нормативно-правовыми актами РФ – Конституцией РФ 1993 г. и ГК РФ 1994 г.;
- понятия «честь», «достоинство», «деловая репутация» определяют близкие между собой нравственные категории. Различия между ними лишь в субъективном или объективном подходе при оценке этих качеств. Если подходить к оценке данных категорий с правовой точки зрения, то их можно объединить под понятием личных неимущественных прав;
- репутация обладает признаками личного неимущественного блага в смысле ст. 150 ГК РФ. Так, в п. 1 ст. 1042 ГК РФ определяется состав вкладов, вносимых участниками простого товарищества. Исходя из содержания указанной нормы, можно сделать вывод о том, что в данной ситуации законодатель рассматривает деловую репутацию как имущественное благо. И здесь возникает проблема, поскольку ст. 150 ГК РФ закрепляет положение о том, что деловая репутация является нематериальным благом, которое к тому же «неотчуждаемо и непередаваемо иным способом». Представляется, что ст. 150 ГК РФ необходимо

изложить в новой редакции. В частности, дополнить пункт первый новым абзацем следующего содержания: «В случаях и в порядке, предусмотренных законом, некоторые личные неимущественные права гражданина могут на определенный срок отчуждаться и передаваться по договорам другим лицам»;

– в содержание анализируемого права входят правомочия по владению, пользованию и изменению чести, достоинства, деловой репутации. Субъектами соответствующего права являются граждане и юридические лица;

– вопрос о защите исследуемых нематериальных благ со стороны законодателя – это прежде вопрос о правах человека, их реальном обеспечении, о гарантированности государством возможности пользоваться правами на блага. Защита указанных нематериальных благ гражданско-правовыми методами рассматривается как одно из главных средств охраны прав лица от разного рода измышлений, умаляющих его честь и достоинство, а также порочащих деловую репутацию со стороны других лиц;

– в современном гражданском законодательстве презумпция морального вреда ни прямо, ни косвенно не закреплена. В этой связи, в соответствии со ст. 56 ГПК РФ наличие морального вреда, то есть наличие переживаний, их характер и интенсивность, должен доказать сам потерпевший. Очевидным является то обстоятельство, что наличие морального вреда реально доказать только в случае, когда нравственные и физические страдания потерпевшего имеют какие-либо внешние проявления, в качестве которых чаще всего выступает ухудшение здоровья. Не секрет, что душевные переживания лица не всегда могут влечь столь явные последствия, видные посторонним, в силу чего доказывание факта причинения морального вреда в подобных случаях весьма проблематично.

Думается, что презюмирование морального вреда будет способствовать и упрощению доказательственной деятельности в суде, а также устранению противоречий между сложившейся судебной практикой и действующим законодательством. В этой связи, представляется целесообразным закрепление в ст. 151 ГК РФ презумпции причинения морального вреда любым противоправным посягательством на неимущественные права потерпевшего. Это, с одной стороны, освободит истца от необходимости доказывать факт наличия нравственных или физических страданий, а с другой – даст шанс нарушителю опровергнуть данную презумпцию, доказав, что его поведение не повлекло таких последствий. Новая редакция ст. 151 ГК РФ могла бы выглядеть следующим образом «Гражданин вправе требовать денежной компенсации морального вреда (физических и нравственных страданий), причиненного действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, если причинитель вреда не докажет отсутствие таких страданий у потерпевшего. В других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда...».

Выводы по разделу 1

Среди нематериальных благ важнейшими являются честь, достоинство и деловая репутация. В советский период вышеуказанные категории были закреплены в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, принятых Верховным Советом СССР от 8 декабря 1961 г. Стоит отметить, что на практике данная норма не применялась в связи с командно-плановой экономикой государства, которая породила отсутствие конкуренции между предприятиями. Данное положение не рассматривалось и не разрабатывалось. ГК РСФСР 1922 г. также имеет историческую значимость в отношении данной темы. Этот кодифицированный акт не раскрывал предмета регулирования, а содержал лишь положение о том, что гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществлялись в противоречии с их социально-хозяйственным предназначением. В числе объектов прав называлось лишь имущество. Позднее в ГК РСФСР 1964 г. было включено положение, касающееся гражданско-правовой охраны чести и достоинства. Ст.1 установила, что в случаях, предусмотренных законом, кодекс регулирует также и иные личные неимущественные отношения. Из толкования данной нормы следует, что к личным неимущественным отношениям относились отношения, не связанные с имущественными, и они подлежали урегулированию только в случаях прямого указания в законе. Коренное изменение в общественной и законодательной сфере произошло в 90-е гг. прошлого века: экономический и социальный уклад страны изменил ситуацию в отношении нематериальных благ.

В современном законодательстве регулирование данного вопроса осуществляется основными нормативно-правовыми актами РФ – Конституцией РФ 1993 г. и ГК РФ 1994 г.

Понятия «честь», «достоинство», «деловая репутация» определяют близкие между собой нравственные категории. Различия между ними лишь в субъективном или объективном подходе при оценке этих качеств. Если подходить к оценке данных категорий с правовой точки зрения, то их можно объединить под понятием личных неимущественных прав. Честь – это социально значимая положительная оценка лица со стороны общественного мнения. Достоинство – это самооценка лицом своих моральных, профессиональных и иных качеств. Таким образом, честь является как бы мерилем достоинства гражданина или организации. Деловая репутация – это сложившееся общественное мнение о профессиональных достоинствах и недостатках лица (гражданина или организации). На сегодняшний день честь, достоинство и деловая репутация – значимые нематериальные блага, гарантируемые нормами международного и отечественного законодательства. Законодательство РФ не формулирует точное определение категорий «честь», «достоинство» и «деловая репутация», таким образом, затрудняя правовое осмысление указанных терминов.

2 УСЛОВИЯ, СПОСОБЫ И ПОРЯДОК ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

2.1 Условия защиты чести, достоинства и деловой репутации

На основании гражданско-правовых норм защита чести, достоинства и деловой репутации возможна при одновременном присутствии трех условий (ст.152 ГК РФ):

- информация должна быть распространена;
- распространенная информация должна порочить вышеуказанные нематериальные блага заявителя;
- распространенные данные не соответствуют реальности.

На условия защиты рассматриваемых нематериальных благ также указывает Пленум Верховного Суда РФ в п. 7 Постановления от 24 февраля 2005 г. № 3. Как следует из вышеуказанного пункта судебного источника «по делам указанной категории следует учитывать, что обстоятельствами, имеющими согласно ст.152 ГК РФ значение для дела, которые должны быть установлены судьей при принятии искового заявления и подготовке дела к судебному разбирательству, а также в его процессе, выступают: факт распространения ответчиком данных об истце, порочащий характер указанной информации и несоответствие их реальности. Если нет хотя бы одного из обозначенных обстоятельств иск не может быть удовлетворен судом» [17].

Рассмотрим представленные условия более детально.

Согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 порочащими, в частности, выступают данные, включающие утверждения о нарушении физическим лицом либо организацией действующего законодательства, осуществлении нечестного поступка, неэтичном, неправильном поведении в общественной, личной либо политической жизни, недобросовестности при реализации предпринимательской и производственно-хозяйственной деятельности, нарушении обычаев делового оборота либо деловой этики, которые умаляют честь и достоинство физического лица либо деловую репутацию физического или юридического лица.

Так, к примеру, в рамках рассмотрения дела № 2–4847/2017 Центральным районным судом г. Челябинска было установлено, что истец Клещев С.В. обратился в суд с иском к Пешковой Е.А. о защите чести, достоинства и деловой репутации [19]. В обоснование иска указал, что ответчик на заседании квалификационной комиссии Адвокатской палаты Челябинской области сообщила сведения порочащие честь, достоинство и деловую репутацию истца.

Клещев С.В. просит признать недостоверными, порочащими честь, достоинство и деловую репутацию Клещева С.В. сведения, сообщенные ответчиком в заседании квалификационной комиссии Адвокатской палаты Челябинской области – «по настоящему уголовному делу адвокат С.Клещев-защитник А.Аношина, организовал двойное участие адвокатов в отношении подсудимой П.Авраменко, потерпевшей Ципициной с целью фальсификации доказательств для облегчения участи А.Аношина» [19].

Как следует из другого дела № 2–628/2017, рассмотренного Тракторозаводским районным судом г. Челябинска, Бочкарев В.Д. обратился в суд с иском к Христову Р.Н., в котором просил взыскать компенсацию морального вреда в сумме 500 000 руб. [20]. В обосновании иска указано, что ответчик разместил в сети «Интернет» информацию, которая не соответствует действительности, а также порочит честь и достоинство истца. Кроме того, ответчик разместил в сети «Интернет» персональные данные истца, не имея на то надлежащего разрешения. Данные действия причинили истцу нравственные страдания, что является основанием для компенсации морального вреда. В судебном заседании 28 марта 2017 г. обозревалась страница в сети «Интернет». На данной странице размещены комментарии к фотографиям, которые были загружены в сеть «Интернет» пользователем персональной страницы социальной сети «В Контакте». Один из комментариев оставлен 23 апреля 2016 г. от имени пользователя персональной страницы социальной сети «В Контакте» и содержит утверждения о совершении Бочкаревым В.Д. преступления – вымогательства денежных средств. На момент проведения судебного заседания 28 марта 2017 г. данная информация была размещена в свободном доступе в сети «Интернет» и была доступна для обозрения любым пользователем указанной сети. Заявленные исковые требования в рамках судебного рассмотрения дела нашли свое подтверждение [20].

Автором разделяется мнение ученых и признается, что порочащими, в частности, выступают данные, включающие утверждения о нарушении физическим лицом либо организацией действующего законодательства, осуществлении нечестного поступка, неэтичном, неправильном поведении в личной, политической, общественной жизни, недобросовестности при реализации предпринимательской и производственно-хозяйственной деятельности, нарушении обычаев делового оборота либо деловой этики, которые умаляют честь и достоинство физического лица либо деловую репутацию физического лица или юридического лица. Порочащими выступает также не соответствующие реальности данные, включающие утверждения о нарушении вышеуказанными лицами современного законодательства либо принципов морали (об осуществлении нечестного проступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и иная информация, порочащая репутацию, общественную и производственно-хозяйственную деятельность и др.), которые умаляют их честь и достоинство.

Информация, выступающая недостоверной, вместе с тем, не умаляющая анализируемые нематериальные блага, не считается порочащей. На основании указанного, в научной среде был разработан подход, сущность которого состоит в том, что не соответствующая реальности информация о заболеваниях гражданина (туберкулез, рак и др.) и физических недостатках, которые он якобы имеет, не может быть по суду опровергнута, ввиду того, что она хотя и выражает собой измышления, способные вызвать тяжелые моральные переживания, но не воздействует на формирование мнения общества о человеке [63, с. 145]. Исключение образуют только случаи упоминания о заболеваниях, образующихся,

большей частью, в результате развратного поведения. При этом, с указанным подходом нельзя согласиться по причине того, что каждая личность индивидуально воспринимает сообщаемые о ней недостоверные данные. В представленных случаях нельзя лишать индивида возможности требовать опровержения недостоверной информации, тем более что решающую оценку в случае спора предоставляет суд. Согласно ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 29 Конституции РФ, гарантирующими каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, подходу ЕСПЧ при рассмотрении дел анализируемой категории установлено, что судам необходимо различать присутствующие утверждения о фактах, соответствие реальности которых можно проверить, и мнения, убеждения, суждения, оценочного характера, которые не выступают предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ, так как, являясь проявлением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их реальности [46, с. 184].

Думается, что при рассмотрении дела значимо разграничивать оценочные суждения и утверждения о фактах, ввиду того, что опровергнуть можно лишь верифицируемые данные, а проверка мнений (суждений) оценочного характера на достоверность неисполнима, кроме того, это противоречит началу свободы слова.

Очевидно, при разрешении вопроса о том, выступает ли та либо другая фраза оценочным суждением либо утверждением о фактах, судья подвержен субъективному мнению. Также претензии истцов зачастую связаны не столько с содержанием самого текста сообщения, сколько с его возможной интерпретацией при прочтении иными людьми. В данных случаях суду необходимо тщательно устанавливать, насколько обоснованно конкретно данное понимание истцами спорного материала. В связи с этим, при рассмотрении дел представленной категории зачастую образуется необходимость в осуществлении судебной лингвистической экспертизы по спорным текстам. Считается, что в указанных случаях необходимо назначать лингвистическую экспертизу спорных фраз и уже по результатам экспертизы признавать те либо другие выражения унижающими деловую репутацию определенного человека [60, с. 198].

При назначении данной экспертизы необходимо учитывать, что специалист в филологической сфере может осуществить анализ текста по вопросам о том, представлены ли в тексте данные о событиях и фактах, возможна ли их оценка с подхода достоверности, присутствуют ли в тексте выражения либо слова с оскорбительным значением. Вместе с тем, специалист не сможет ответить на вопрос, порочат ли соответствующие сведения рассматриваемые нематериальные блага того, о ком они распространены. Данное умозаключение имеет право делать исключительно суд, то есть порочащие сведения – это оценка судом. Однако, следует принимать во внимание, что ст. 29 Конституции РФ гарантирует свободу мысли и свободу слова. Ст. 47 Закона «О СМИ» предоставляет право журналисту излагать свои оценки и личные суждения в материалах и сообщениях, предназначенных для распространения за его подписью. Следовательно, оценки, мнения, суждения, призывы, вопросы и иные элементы сообщения, не

включающие упоминаний об определенных фактах, предметом иска быть не могут [28].

Вместе с тем, проблема разграничения оценочных суждений и фактов в диффамационных спорах выступает наиболее острой. ЕСПЧ в своих решениях не раз отмечал, что в современном законодательстве РФ не осуществляется разграничение между изложением фактов и оценочными суждениями, оно включает лишь понятие «сведения» и исходит из того, что любая информация подлежат доказыванию в пределах гражданского процесса. Вне зависимости от действительного содержания информации распространявшее ее лицо должно доказать суду то, что она соответствовала реальности [11]. Затем ЕСПЧ отмечает: «Принимая во внимание представленные в законодательстве положения, суды РФ не сочли необходимым установить, выступало ли оспариваемое утверждение заявителя суждением оценочного характера, не подлежащим доказыванию» [12].

На присутствующие проблемы в судах России обращал внимание и судья Верховного Суда РФ С.В. Потапенко: «До сегодняшнего дня можно встретить решения судов, в которых признаются не соответствующими реальности, порочащими потерпевшего данные типа «политические взгляды Сидорова носят реакционный характер» либо «Иванов – плохой мэр». При этом, чистые оценки, к примеру, «добрый – злой», «хороший – плохой», не могут выступать предметом опровержения, так как проверке на истинность они не поддаются. Суждение оценочного характера говорит не об объекте, а об отношении субъекта к объекту» [53, с. 24]. Но если считать порочащими лишь те данные, которые включают сведения, по степени детализации сравнимые с судебным приговором (к примеру, в сообщениях о нарушении физическим лицом либо организацией современного законодательства), то указанный подход также не в полной мере отражает осуществление начал судопроизводства, таких как, равенство, объективность, справедливость [45, с. 14].

Считается, что процесс верификации сведений должен проходить две стадии – внешнюю (при существовании слов-маркеров, к примеру, «я считаю», «я думаю», эпитетов и др., данные в значительной части случаев считаются мнениями) и внутреннюю (если гипотетически можно проверить информацию по признаку «было – не было», «правда-неправда», то присутствуют утверждения о фактах).

Для роста эффективности защиты судом от диффамации, думается, следует улучшить качество подготовки юристов, чья деятельность на практике связана с защитой рассматриваемых нематериальных благ. При этом, не все так однозначно. Огромное значение при определении фраз к группе оценочных суждений либо верифицируемых сведений имеет аспект опубликованной статьи. К примеру, высказывания «ни стыда, ни совести», «ненормальный», «абсолютно недееспособный», рассмотренные и истолкованные конкретно в понимании всей статьи, позволили ЕСПЧ сформулировать заключение об их принадлежности к субъективному мнению и личному восприятию реальности автором [10]. Хотя, на первый взгляд, кажется, что выражение «абсолютно недееспособный» выступает ничем другим, как полностью непосредственным сведением, легко проверяемым

на достоверность, и в случае его недостоверности очевидно порочащим деловую репутацию.

В соответствии с п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 под распространением информации, порочащей честь и достоинство физических лиц либо деловую репутацию физических и юридических лиц, необходимо понимать опубликование подобной информации в печати, трансляцию по телевидению и радио, демонстрацию в кинохроникальных программах и иных СМИ, распространение в сети Интернет, а также с применением других средств телекоммуникационной связи, изложение в публичных выступлениях, служебных характеристиках, заявлениях, адресованных должностным лицам, либо сообщение в той либо другой, в том числе, устной, форме хотя бы одному человеку. Сообщение подобной информации индивиду, которого они касаются, не может считаться их распространением, если человеком, сообщившим указанную информацию, были приняты необходимые меры конфиденциальности, с тем, чтобы они не стали известными иным лицам [17].

Судам необходимо учитывать, что в случае, если не соответствующие реальности порочащие данные были распространены в сети Интернет на информационном ресурсе, зарегистрированном в предусмотренном законом порядке в качестве СМИ, при рассмотрении соответствующего иска следует руководствоваться положениями, определенными к СМИ.

Не соответствующими реальности сведениями выступают утверждения о событиях либо фактах, которые не имели места в действительности во время, к которому определены оспариваемые данные. Не могут раскрываться как не соответствующие реальности сведения, представленные в приговорах и решениях судов, постановлениях следственных органов и органов дознания и иных процессуальных либо других официальных документах, для оспаривания и обжалования которых установлен другой предусмотренный законами судебный порядок (к примеру, не могут быть опровергнуты в порядке ст. 152 ГК РФ данные, содержащиеся в приказе об увольнении, так как данный документ может быть оспорен лишь в порядке, установленном ТК РФ) [17].

Таким образом, гражданско-правовая ответственность за посягательства на анализируемые нематериальные блага возникает при одновременном присутствии трех условий: прежде всего, оспариваемая информация была распространена; кроме того, сведения порочат иное лицо; также, не соответствуют реальности. Кроме того, следует принять во внимание, что дополнительным условием можно признавать волеизъявление заинтересованного лица обратиться в суд с иском. При отсутствии хотя бы одного из обозначенных обстоятельств иск не может быть удовлетворен судом.

2.2 Способы защиты чести, достоинства и деловой репутации

Честь и достоинство входят в содержание многих норм права разных законодательных отраслей. Однако, закон способствует укреплению сознания

граждан в духе высоких принципов морали, требующих уважительного отношения к человеку, его интересам и правам. Представления о достоинстве личности приобрели правовое выражение в гражданско-правовых, административно-правовых, уголовно-правовых нормах, а также в нормах других отраслей законодательства России. На основании чего, представляется возможным обозначить три ключевых способа защиты анализируемых нематериальных благ личности: гражданско-правовой, уголовно-правовой, административно-правовой.

Т.А. Вертепова отмечает, что последний регулируют нормы КоАП РФ, предусматривающие ответственность за оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ), а именно за унижение чести и достоинства иного человека, проявленное в неприличной форме, а также за мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ), которое может быть проявлено в оскорбительном приставании к другим лицам и других подобных действиях, нарушающих спокойствие граждан и общественный порядок [38, с. 12]. Логическая цепочка административно-юрисдикционного процесса по рассматриваемой категории дел выстраивается следующим образом: как повод к возбуждению дела – заявление потерпевшего — постановление прокурора о возбуждении дела по признакам правонарушения, установленного положениями ст. 5.61 КоАП РФ — рассмотрение мировым судьей дела по существу.

Наиболее строгая ответственность за нарушение предписаний, направленных на охрану чести и достоинства личности, закреплена УК РФ. В ст. 128.1 УК РФ предусматривается ответственность за клевету, а именно распространение заведомо недостоверной информации, порочащей честь и достоинство иного человека и подрывающих его репутацию. Уголовно-правовая охрана чести и достоинства реализуется также и отдельными иными статьями УК РФ.

Так, идея защиты вышеуказанных нематериальных благ пронизывает некоторые нормы уголовного законодательства, предусматривающие уголовную ответственность за преступные деяния против правосудия, порядка управления и военной службы: заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ), неуважение к суду (ст. 297 УК РФ), оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ), оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ).

Гражданско-правовой способ защиты личных неимущественных прав, к которым определены честь, достоинство и деловая репутация, регулируют нормы ст. 152 ГК РФ, в которой предусмотрено право каждого на судебную защиту вышеуказанных нематериальных благ от распространенных не соответствующих реальности порочащих данных, что выступает необходимым ограничением свободы слова и массовой информации для случаев злоупотребления указанными правами [57, с. 96].

К защите чести, достоинства и деловой репутации применимы способы защиты, предусмотренные в ст. 12 ГК РФ. Перечень способов защиты, закрепленный в обозначенной статье закона, не выступает исчерпывающим, так как указанная норма предусматривает, что законом могут быть установлены и другие способы. Однако, перечень нельзя признавать и открытым, так как

использовать можно лишь те способы, которые установлены законом. В ст. 152 ГК РФ предусмотрено несколько специальных способов защиты рассматриваемых нематериальных благ, которые могут быть использованы, в том числе и одновременно. К ним определены: опровержение несоответствующих реальности порочащих честь, достоинство и деловую репутацию данных; опубликование ответа в СМИ, где была распространена вышеуказанная информация; удаление порочащих сведений в сети Интернет и соответствующее опровержение способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети Интернет; удаление порочащих сведений, а также пресечение либо запрещение последующего их распространения; возмещение причиненных убытков.

Ю.В. Холоденко отмечает, что одним из ключевых способов защиты выступает опровержение не соответствующих реальности порочащих данных, умаляющих анализируемые нематериальные блага. Цель опровержения – восстановление положения, присутствовавшего до нарушения права, а именно восстановление в первоначальное состояние чести, достоинства, деловой репутации, как если бы не произошло их умаление. Необходимо указать, что обозначенный способ защиты представленных нематериальных благ имеет значительное число проблем теоретического и практического аспекта [62, с. 144].

В научной среде сформулировано множество дефиниций опровержения. Как отмечает А.Л. Анисимов, под таковым подразумевается доведение до круга лиц, в среде которых информация была распространена, сведений о признании судом несоответствия их реальности [30, с. 28]. С.В. Потапенко критикует вышеуказанную формулировку, обращая внимание на то, что данное определение выступает односторонним, выделяющим в категории опровержения далеко не основной признак – «доведение до круга лиц», которое определено скорее к исполнению судебного решения об опровержении, чем к содержательной части указанной категории [61, с. 219].

На основании подхода А.Ф. Суржика опровержение, по сути, выступает добровольным признанием факта распространения редакцией не соответствующих реальности, порочащих анализируемые нематериальные блага сведений [32, с. 186]. По мнению Е.В. Гаврилова, указанная формулировка не является совершенной, так как указывает на добровольный характер опровержения и действий причинителя вреда – редакции СМИ, в свою очередь, не принимается во внимание принудительный судебный характер [33, с. 83].

Т.Н. Макарова полагает, что данная категория – это сообщение о несоответствии реальности распространенных ранее порочащих данных [47, с. 112].

По мнению автора, наиболее полной считается дефиниция опровержения, сформулированная С.В. Потапенко [61, с. 219]: опровержение – это специальный способ защиты гражданских прав, выражающий собой обоснованное отрицание информации, порочащей соответствующие нематериальные блага потерпевшего, исходящее от лица, распространившего данную информацию.

Согласно п. 1 ст. 152 ГК РФ гражданин имеет право требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство либо деловую репутацию

данных, если распространивший указанную информацию не докажет, что она соответствует реальности. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены данные о физическом лице, либо другим подобным способом. По требованию заинтересованных лиц возможна защита чести, достоинства и деловой репутации физического лица и после его смерти. Данные, порочащие вышеуказанные нематериальные блага гражданина и распространенные в СМИ, должны быть опровергнуты в тех же СМИ. Лицо, в отношении которого в СМИ распространена представленная информация, имеет право потребовать вместе с опровержением также опубликования своего ответа в тех же СМИ. Если данные, порочащие честь, достоинство либо деловую репутацию физического лица, закреплены в документе, исходящем от предприятия, указанный документ подлежит отзыву либо замене.

Опровержение в периодическом печатном издании должно быть помещено под заголовком «Опровержение» и набрано тем же шрифтом, большей частью, на том же месте полосы, что и опровергаемый материал либо сообщение. По телевидению и радио опровержение должно быть передано в то же время суток и, преимущественно, в той же передаче, что и опровергаемый материал либо сообщение. Объем опровержения не может свыше чем вдвое превышать объем опровергаемого фрагмента распространенного материала либо сообщения. В специализированных источниках предусмотрено несколько форм реализации опровержения как способа защиты анализируемых нематериальных благ. В законодательстве не закреплен закрытый перечень данных форм, что выступает одним из проблемных вопросов. Если исходить из практики судов, то можно отметить, что форма реализации опровержения довольно разнообразна: отзыв (замена) документа, включающего информацию, порочащую соответствующие нематериальные блага лица; обнародование (к примеру, выступление на собрании и аудиовизуальное сообщение), не связанное с опубликованием; опубликование (большой частью, в виде изложения в СМИ определенного текста, в том числе, содержание которого суд привел в резолютивной части решения), включая публикацию судебного решения [63, с. 146].

Отдельные ученые полагают, что одной из потенциальных форм реализации опровержения выступает принесение извинения. Вместе с тем, с данным подходом нельзя согласиться. Принесение извинения ответчиком в отличие от опровержения не связано с влиянием на социум, которое хуже стало относиться к лицу, в отношении которого были распространены порочащие данные, в целях реабилитации в глазах общественности первоначального состояния его чести, достоинства и деловой репутации. Вместе с тем, иные исследователи признают принесение извинения полноценным и самостоятельным способом защиты рассматриваемых нематериальных благ [59, с. 58].

Извинение как способ защиты судом ни ГК РФ, ни положениями другого законодательства не закреплено, в связи с этим, суд не имеет права обязывать ответчика по соответствующей категории дел принести истцу извинения в той либо другой форме. Однако, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 представлено положение, на основании которого суд

имеет право утвердить мировое соглашение, где стороны по взаимному согласию могут установить принесение ответчиком извинения, ввиду того, что это не нарушает прав и легальных интересов иных лиц и не противоречит закону, который не включает указанного запрета. Так, к примеру, по гражданскому делу № 2-1886/2014 Ленинск-Кузнецкий городской суд утвердил мировое соглашение, по условиям которого ответчик должен принести извинения перед истцом посредством публичного произнесения высказывания на собрании жильцов, явку на которое истец должен обеспечить [25].

Опровержение как способ защиты имеет перечень значительных недостатков, которые образуются при использовании указанного способа защиты: во-первых, с опровержением может ознакомиться не весь ряд лиц, в среде которых были распространены не соответствующие реальности, порочащие данные; во-вторых, оно может общественность не переубедить о сформировавшемся мнении, о человеке, в отношении кого распространены не соответствующие реальности, порочащие данные; в-третьих, опровержение не принесет дополнительные (в том числе, финансовые) возможности для лица, в отношении которого распространены не соответствующие реальности, порочащие данные, воздействовать на социум в целях реабилитации своих анализируемых нематериальных благ [51, с. 46].

Если говорить о результативности указанного способа защиты, то необходимо указать, что опровержение будет результативным исключительно в судебном порядке. И как указывают отдельные исследователи, это возможно лишь в том случае, когда текст опровержения будет опубликован в популярном периодическом издании информационного характера уровня муниципалитета, субъекта РФ либо федерального (в зависимости от масштабов распространения порочащей информации). Это имеет значение, ввиду того, что с опровержением может ознакомиться не весь перечень лиц, в среде которых были распространены не соответствующие реальности, порочащие данные. Ведь указанная информация может и далее наносить вред чести и достоинству физического лица в связи с недоведением опровержения до лиц необходимым образом.

К обозначенному способу защиты примыкает дополнительный защитный механизм, состоящий в возможности адекватного содержательного реагирования на публикации отрицательного плана: лицо, в отношении которого СМИ опубликованы данные, ущемляющие его права либо охраняемые законом интересы, имеет на основании п. 2 ст. 152 ГК РФ право на опубликование своего ответа в тех же СМИ. В Резолюции Комитета министров Совета Европы от 2 июля 1974 г. (74) 26 «О праве на ответ – положение лица по отношению к прессе», в частности, отмечается, что право на ответ призвано предоставить лицу возможность исправить сведения, включающие неточные данные о нем, а также сведения, в том числе, оценочные суждения и факты, выражающие собой вторжение в его частную жизнь либо затрагивающие его нематериальные блага, равно как и предоставить социуму возможность получать полные сведения из разных источников [3].

На основании п. 2 ст. 152 ГК РФ лицо, в отношении которого в СМИ распространена информация, порочащая его честь, достоинство либо деловую репутацию, обладает правом потребовать вместе с опровержением опубликования своего ответа в тех же СМИ. Не совсем удачная редакция указанного пункта может сформировать впечатление, что требование об опубликовании ответа может быть предъявлено только наряду (совместно) с требованием об опровержении. Вместе с тем, в соответствии с п. 9 ст. 152 ГК РФ, физическое лицо, в отношении которого распространены данные, порочащие его честь, достоинство либо деловую репутацию, наряду с опровержением указанной информации либо опубликованием своего ответа имеет право требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда, причиненных распространением указанной информации.

Следовательно, в п. 2 и п. 9 ст. 152 ГК РФ представлено противоречие, которое, по мнению автора, необходимо ликвидировать, ввиду того, что при исследовании обозначенных пунктов образуется вопрос о том, каким образом используются данные способы защиты – совместно или самостоятельно друг от друга. Последний вариант, думается, является наиболее предпочтительным. Соответственно, п. 2 ст. 152 ГК РФ признается целесообразным закрепить в следующей редакции: «Сведения, порочащие честь, достоинство либо деловую репутацию гражданина и распространенные в СМИ, должны быть опровергнуты в тех же СМИ. Гражданин, в отношении которого в СМИ распространены данные сведения, обладает правом потребовать опровержения, а также опубликования своего ответа в тех же СМИ».

Условием осуществления представленного способа защиты выступает распространение как соответствующих, которые должны обязательно ущемлять права и законные интересы физического лица, так и не соответствующих реальности данных, вне зависимости от того, ущемляют ли они права и законные интересы физического лица. На основании правового подхода Конституционного Суда РФ от 01 марта 2010 г. № 323–О–О опубликование ответа допускается в случае распространения не только утверждений о фактах, но и оценочных суждений, мнений [14].

К свойствам опубликования ответа, отличающим обозначенный способ от иных способов защиты, определены: многообразие применения опубликования ответа (как по делам о защите анализируемых нематериальных благ, так и по иным категориям дел; как при распространении не соответствующих реальности данных, так и при распространении соответствующих реальности данных, ущемляющих права и законные интересы физического лица либо порочащих деловую репутацию организации; при распространении оценочных суждений, неточностей, мнений и др.); реализацию опубликования ответа лишь с помощью СМИ и исключительно при распространении негативных данных в СМИ; особую активность потерпевшего при опубликовании ответа, в котором представлена личная оценка потерпевшего, присутствие личностного элемента. Все указанные черты раскрывают обозначенный вид способа защиты как самостоятельный.

На основании п. 4 ст. 152 ГК РФ в случаях, когда информация, порочащая честь, достоинство либо деловую репутацию физического лица, стала широко известна и в связи с указанным опровержение не представляется возможным довести до всеобщего сведения, лицо имеет право требовать удаления представленной информации, а также пресечения либо запрещения последующего распространения указанных данных посредством изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, включающих соответствующую информацию, если без уничтожения данных экземпляров материальных носителей удаление указанных сведений не представляется возможным.

Суд может применить обозначенное правило в отношении распространения не только порочащих, но и любых не соответствующих реальности данных о физическом лице. Но у последнего есть обязанность доказать несоответствие указанных сведений реальности (п. 10 ст. 152 ГК РФ). Так, Басманный районный суд г. Москвы удовлетворил заявленные требования о признании сведений, закрепленных в статьях «Геройчики нашего времени» и «Аукционы и благотворительность главного книжника страны», не соответствующими реальности, ввиду того, что истец не осуществлял преступные деяния, установленные УК РФ. Указанная информация порочит анализируемые нематериальные блага, в связи с чем подлежит запрещению к распространению на территории РФ [38, с. 12].

Следовательно, к условиям реализации таких способов защиты как удаление информации, пресечение либо запрещение последующего распространения информации определены: порочащий характер и (либо) не соответствие реальности данных, умаляющих честь, достоинство и деловую репутацию физического лица, распространенных на материальных носителях (в СМИ, печатных изданиях, не выступающих СМИ, в виде широко распространенных видео- и звукозаписей, документов и др.); широкая известность информации; невозможность доведения опровержения до всеобщего сведения; причинно-следственная связь между вышеуказанными условиями.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что законодатель не закрепляет значение категории «широко известны». М.Ю. Тихомиров, обозначает свое мнение по указанному вопросу и предполагает, что если упоминается о невозможности доведения опровержения до всеобщего сведения (в обозначенном случае – до сведения всех, кто имел возможность ознакомиться с распространенными данными), то стоит считать, что перечень лиц, которым могли стать известны порочащие данные, должен быть значительно шире, чем ряд потребителей сведений, распространяемых определенными СМИ, печатным изданием и др. и отмечает то, что более четкие критерии применения предписаний указанного способа защиты должны быть выработаны практикой судов [63, с. 146].

Установленные п. 4 ст. 152 ГК РФ способы защиты рассматриваемых нематериальных благ – удаление не соответствующей реальности информации, пресечение либо запрещение последующего распространения информации –

очень близки по своей юридической природе. Все они тяготеют к такому единому способу защиты гражданских прав, как пресечение действий, нарушающих право либо формирующих угрозу его нарушения (абз. 3 ст. 12 ГК РФ). Разграничение указанных способов защиты осуществляется по разным критериям.

Под удалением информации необходимо подразумевать ее уничтожение в целях невозможности последующего с ней ознакомления. Указанные сведения могут содержаться в аудио-, видеозаписях, документах, на других материальных носителях. В том случае, если порочащие соответствующие нематериальные блага данные были распространены в книге на определенной странице в самостоятельном предложении, то удаление соответствующей информации осуществляется таким способом, чтобы читателю невозможно было ознакомиться конкретно с такой фразой, которая включает в себя ущемляющие честь, достоинство и деловую репутацию данные. Удаление всей страницы с содержанием указанных сведений будет признаваться ошибкой, ввиду того, что удалять необходимо конкретно информацию спорного характера, а не весь текст, представленный на странице. Книга должна остаться в гражданском обороте. Пресечением последующего распространения информации выступает формирование таких условий, при применении которых ущемляющие анализируемые нематериальные блага данные больше не распространялись.

Запрещение последующего распространения информации – это возложение на уполномоченное лицо обязанности впредь больше не распространять соответствующую информацию. Вместе с тем, изымаются либо уничтожаются экземпляры материальных носителей, включающие данную информацию. В частности, Е.В. Гаврилов, рассматривая отличие указанных способов защиты друг от друга, приходит к заключению, что разница между удалением соответствующей информации, пресечением и запрещением по своей сути незначительна: в случае удаления указанной информации уничтожается сама информация, включающая ущемляющие рассматриваемые нематериальные блага сведения, а не экземпляры материальных носителей, включающие обозначенные сведения, как в случаях с запрещением и пресечением [32, с. 177].

Вместе с тем, можно указать, что отличия между запрещением и пресечением, по сути, нет, ввиду того, что запрещение выражает собой один из видов пресечения. В связи с этим, образуется вопрос о целесообразности указания на альтернативность их использования в п. 4 ст. 152 ГК РФ. О.Ш. Аюпов отмечает, что в п. 4 ст. 152 ГК РФ говорится об удалении не сведений, выступающих диффамацией, а конкретно информации, включающей данные сведения [33, с. 98]. На основании изложенного, автор ставит вопрос о том, необходимо ли в подобном случае удалять всю информацию целиком или лишь часть информации, в которой фактически присутствуют сведения диффамационного характера. Думается, что ответ в данном случае зависит от того, как сведения, не соответствующие реальности, находят свое выражение в информации, и, в свою очередь, какой способ удаления будет наиболее эффективным.

Не стоит путать правовые трактовки «удаление соответствующей информации» (п. 4 ст. 152) и «удаление информации в сети «Интернет»» (п. 5 ст.

152). Несмотря на то, что такие способы защиты рассматриваемых нематериальных благ, как «удаление соответствующей информации» (п. 4 ст. 152) и «удаление информации в сети «Интернет»» (п. 5 ст. 152) имеют одну юридическую природу, условия их осуществления являются различными. Для удаления информации в Интернете «широкая известность» сведений необязательна в отличие от удаления соответствующей информации. При удалении информации в сети Интернет данная информация обязательно должна оказаться после ее распространения доступной в сети. И лишь в одном случае различие между удалением информации в сети Интернет и удалением соответствующей информации стирается – когда ущемляющие соответствующие нематериальные блага сведения оказались после их распространения доступными в Интернете (условия п. 5 ст. 152 ГК РФ) и, вместе с тем, стали «широко известны», в связи с чем опровержение не представляется возможным довести до всеобщего сведения (условия п. 4 ст. 152 ГК РФ). Ввиду того, что законодатель не предоставляет нормативного толкования формулировке «широко известны», представленной в п. 4 ст. 152 ГК РФ и выступающей основным различительным свойством двух вышеуказанных способов защиты, развернутое понятие словосочетания «широко известны» необходимо предусмотреть в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3.

Таким образом, специальные способы защиты чести, достоинства и деловой репутации, закрепленные ст. 152 ГК РФ, имеют особую важность при разрешении вопросов, связанных с умалением указанных нематериальных благ. К ним определены: опровержение несоответствующих реальности порочащих честь, достоинство и деловую репутацию данных; опубликование ответа в СМИ, где была распространена данная информация; удаление порочащих сведений в сети Интернет и соответствующее опровержение способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети Интернет; удаление порочащих данных, а также пресечение либо запрещение последующего их распространения; возмещение причиненных убытков.

2.3 Порядок защиты чести, достоинства и деловой репутации

Не секрет, что судебные иски о защите чести и достоинства всегда привлекают повышенное внимание в обществе. И не всегда однозначно воспринимаются. По материалам Верховного Суда РФ, за год российские суды общей юрисдикции рассматривают порядка 5 тысяч подобных споров, а арбитражные суды – около 800 дел, которые решают вопросы деловой репутации [66].

Применительно к рассматриваемой категории дел функционируют общие правила территориальной подсудности (ст. 28 ГПК РФ). Иски подаются в суд по месту жительства ответчика, по месту нахождения органа либо имущества организации, распространившей порочащую информацию [43, с. 73]. Предлагается по указанной категории дел предусмотреть альтернативную подсудность, ввиду того, что в ряде случаев по причине объективных причин истец не в состоянии лично принять участие в судебном разбирательстве, если,

например, ответчик – СМИ всероссийского либо республиканского уровня. В связи с этим, было бы разумным, если бы истец мог предъявлять иск в суд по месту своего нахождения либо жительства. Специфика установления ответчика по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации в том, что автор и распространитель порочащей информации в одном лице могут не совпадать. При этом, ответственность в любом случае должны нести оба указанных лица.

Бытует мнение, что иски о защите чести касаются, большей частью, журналистов и СМИ, чьи публикации кого-то обижают и задевают. Вместе с тем, судебная статистика не подтверждает это утверждение. По ее сведениям, ответчиками по искам о защите достоинства журналисты и их издания привлекаются в 4 раза реже, чем простые граждане либо организации.

А.В. Верзун отмечает, что причинителем вреда (субъектом гражданского правонарушения) выступает гражданин, организация или другой субъект гражданских правовых отношений, вследствие действия (бездействия) которого причинен вред охраняемым правам и законным интересам другого лица, а равно сформирована угроза причинения вреда [33, с. 117].

Ответчиками (соответчиками) в суде являются: гражданин, распространивший порочащую информацию (к примеру, в сети Интернет); журналист (автор текста, в том числе подготовленного на базе сведений, переданных редакции СМИ для распространения, а равно лицо, самостоятельно подготовившее сообщение для СМИ); лицо, сообщившее редакции СМИ либо журналисту информацию; лицо, подписавшее и (либо) распространившее документы, примененные редакцией СМИ либо журналистом; редакция СМИ, если она выступает организацией (редакцию в суде представляет главный редактор); учредитель СМИ (если редакция СМИ не выступает организацией).

Право выбора ответчиков в подавляющем большинстве случаев принадлежит истцу.

Е.Н. Сидорова отмечает, что к процессуальным признакам, свойственным предмету доказывания в делах рассматриваемой категории, необходимо определить, в первую очередь, особенность установления предмета доказывания. В последний в спорах, связанных с защитой чести, достоинства и (либо) деловой репутации, когда обозначенные блага выступают непосредственными объектами посягательства, обязательно должно входить три юридических обстоятельства (факта): имело ли место распространение информации ответчиком; порочит ли информация соответствующие нематериальные блага истца; соответствуют ли указанные сведения реальности [58, с. 78].

Однако, в предмет доказывания могут входить и дополнительные обстоятельства, связанные со спецификой определенного требования. Признание факта несоответствия порочащих данных реальности при невозможности выявления распространителя сведений, установленное законом (п. 6 ст. 152 ГК РФ) только в целях восполнения присутствовавшего ранее пробела в гражданском законодательстве, необходимо анализировать в качестве независимого способа судебной защиты, осуществляемого по правилам особого производства. Родовая категория «диффамация» объединяет любое распространение порочащих иное

лицо данных. В зависимости от соответствия распространяемой информации реальности и субъективного отношения распространителя к своим действиям можно обозначить следующие ее разновидности: распространение заведомо ложных порочащих данных – клевета либо умышленная недостоверная диффамация; неумышленная недостоверная диффамация – неумышленное распространение ложных порочащих данных.

Думается, что достоверная диффамация присутствует пока лишь условно, и возникновение данной категории в действительности возможно лишь в случае введения законодателем ответственности за соответствующий деликт. Если же мыслить категориями настоящего времени, то можно однозначно указать, что за распространение порочащей правдивой информации не установлено юридической ответственности [62, с. 144].

Из указанного вытекает заключение: данные действия (достоверная диффамация) не выступают деликтом (правонарушением), соответственно, не влекут реализации юридической ответственности. Вместе с тем, необходимо отметить, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 не оставило без внимания случаи, когда правдивая распространенная информация порочит потерпевшего. В п. 8 вышеуказанного источника судам рекомендовано отграничивать дела о защите чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ) при защите иных нематериальных благ, обозначенных в ст. 150 ГК РФ, от нарушений, связанных с распространением о физическом лице данных, неприкосновенность которых специально защищается Конституцией РФ и законами и распространение которых может причинить моральный вред даже в случае, когда указанные данные соответствуют реальности и порочат анализируемые нематериальные блага истца. В частности, при разрешении дел, образовавшихся в связи с распространением сведений о частной жизни лица, следует принимать во внимание, что в случае, когда было распространение без согласия истца либо его законных представителей соответствующих реальности данных о его частной жизни, на ответчика может быть возложена обязанность компенсировать моральный вред, причиненный распространением указанных сведений. Кроме того, можно внести в ст. 12 ГК РФ дополнение, указав в ряду иных способов защиты гражданских прав «частное либо публичное извинение по требованию потерпевшего». В самостоятельной статье главы 2 ГК РФ можно было бы закрепить основания и порядок использования публичного и частного извинения.

При возмещении морального вреда в предмет доказывания входят еще три обстоятельства: присутствие незаконных действий причинителя вреда, присутствие морального вреда (психических и нравственных страданий), причинно-следственная связь между ними.

Практика судов указывает на то, что во многом от разрешения требования об опровержении не соответствующих реальности порочащих данных зависит судьба искового требования о возмещении морального вреда как производного от основного, так как это означает признание судом существования незаконного виновного деяния, которое, как известно, выступает основанием причинения

морального вреда. Вместе с тем, это не должно влечь за собой автоматическое удовлетворение иска о компенсации материального либо морального вреда, ввиду того, что, кроме всего прочего, для указанного требуется доказать присутствие самого морального вреда и причинную связь между ним и незаконным деянием. В определенных случаях спор по рассматриваемой категории дел прекращается посредством вынесения определения о прекращении производства по делу по причине подписания между сторонами мирового соглашения. С одной стороны, положительный аспект оформления данного документа в плане соблюдения принципа законности заключается в том, что оно подлежит проверке со стороны суда. Вместе с тем, данное соглашение оформляется при наличии взаимных уступок сторон. Отказ истца от иска означает отказ от всех поданных требований, влекущий запрет вторичного обращения в суд. В спорах о правонарушениях, осуществленных посредством сети Интернет, самой трудной выступает проблема доказывания состава правонарушения. Она включает в себя две составляющие: прежде всего, правовые основания, порядок сбора и обеспечения доказательств; кроме того, допустимость данных доказательств с подхода процессуального права. Не так давно, во время массового развития информационных технологий, возник новый вид дел, а конкретно споры о защите чести, достоинства и деловой репутации во всемирной сети объединенных компьютерных сетей – Интернете [46, с. 186]. По материалам РИА «Новости», в 2016 г. было зафиксировано по всему миру порядка 2,9 миллиарда пользователей сети, при этом, в Европе по количеству пользователей лидирует наша страна. Следовательно, сетевое общение в скором времени может заменить реальное общение напрямую. В сети присутствует множество способов распространения порочащей информации, которая может посягать на анализируемые нематериальные блага [54, с. 25].

Первым стоит вопрос об установлении надлежащего ответчика, которого можно привлечь к ответственности за публикацию порочащей информации. Для удовлетворения иска необходимо доказать три обстоятельства: 1) факт распространения информации; 2) факт порочащего характера информации; 3) факт несоответствия информации реальности. Следует отграничивать публичное от частного, ведь каждый человек обладает правом на личное мнение и свободу слова.

Думается, чтобы убедиться в том, что было конкретно распространение, необходимо убедиться, что Интернет-страница имеет публичный характер, то есть она открыта для каждого пользователя и не имеет каких-то ограничений на вход. Следовательно, блоги, выступающие закрытыми и предназначенные для чтения только конкретного ряда лиц, не могут выступать, по мнению автора, распространяющими сведения, какие бы порочащие данные в них ни предусматривались. Соответственно, доказать обстоятельство конкретно распространения информации не удастся. Следовательно, можно привлечь к ответственности владельца той интернет-страницы, которая изначально выступает публичной и направлена на просмотр неограниченного перечня лиц.

На сегодняшний день практика судов знает случаи привлечения к ответственности Интернет-СМИ. В Республике Саха (Якутия) был случай

частичного удовлетворения иска со стороны ООО «Чорон Даймонд» и Р.Ч. Ганди по отношению к ООО «ЛиК» и к редактору Интернет-газеты «В Якутии.ру» Е.Г.Тихоновой. В статье «Алмазная экспансия». АКБ Якутии «завоеван иностранным капиталом» были представлены данные, не соответствующие, по мнению истцов, реальности и порочащие деловую репутацию, честь и достоинство истцов. Арбитражный Суд субъекта РФ частично удовлетворил их требования, обозначив в своем решении о признании некоторых фраз статьи не соответствующими реальности и порочащими анализируемые нематериальные блага истцов, а также обязал ответчиков выплатить компенсацию морального вреда истцам в размере 100 000 руб. [26].

Образуется резонный вопрос: будет ли надлежащим ответчиком по искам о защите чести и достоинства владелец (администратор) сайта в случае, если лицо, фактически разместившее ложные и порочащие сведения, выявить невозможно? Думается, что владелец (администратор) сайта должен нести ответственность за распространение такой информации, так как имеет возможность отслеживать сведения, поступающие на сайт, и удалять не соответствующие реальности и порочащие, а также клеветнические и оскорбительные данные. Иначе образуется действительная возможность нарушения конституционных прав физических лиц и организаций. Что касается сбора и закрепления доказательств, то истец, в первую очередь, обязан доказать факт распространения сведений.

Принимая во внимание особенность сети Интернет, необходимо учитывать, что интересующие сведения могут исчезнуть мгновенно с соответствующего ресурса. В связи с этим, следует закрепить ее существование и содержание, необходимым образом донести до суда указанную информацию. На данный момент оптимальный способ – обеспечение доступных в Интернете данных у нотариуса. Вместе с тем, к последнему имеет смысл обратиться до предъявления искового заявления в суд, так как на основании ст. 102 Основ законодательства РФ о нотариате он не обеспечивает доказательств по делу, которое в момент обращения заинтересованных лиц к нотариусу находится в производстве административного органа либо суда. Как правило, в указанных случаях нотариус оформляет протокол осмотра письменных доказательств [8].

Следующим стоит вопрос об обеспечении и сборе доказательств. Простая распечатка страницы, как правильно отмечает А.А. Ивлев, скорее всего, не будет признана судом документом, а нотариально заверенная в порядке досудебного обеспечения доказательств – будет. В связи с распространением анализируемой категории споров предлагается на уровне законодательства РФ предусмотреть ответственность администраторов веб-страниц в случаях размещения на их сайтах порочащей информации. Спецификой указанных дел выступает сложность определения надлежащего ответчика, а также сложность доказывания состава правонарушения [58, с. 80].

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы по второй главе выпускной квалификационной работы:

— защита рассматриваемых нематериальных благ допускается при одновременном существовании трех условий (ст. 152 ГК РФ): информация

должна быть распространена; распространенные данные не соответствуют реальности; распространенные данные должны порочить честь, достоинство деловую репутацию заявителя;

— специальные способы защиты вышеуказанных нематериальных благ: опровержение несоответствующих реальности порочащих честь, достоинство и деловую репутацию данных; опубликование ответа в СМИ, где была распространена определенная информация; удаление порочащих сведений в сети Интернет и соответствующее опровержение способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей указанной сети; удаление порочащих сведений, а также пресечение либо запрещение последующего ее распространения; возмещение причиненных убытков;

— применительно к делам рассматриваемой категории функционируют общие правила территориальной подсудности (ст. 28 ГПК РФ). Иски подаются в суд по месту жительства ответчика, по месту нахождения органа либо имущества организации, распространившей порочащую информацию. Думается, что по указанной категории дел необходимо предусмотреть альтернативную подсудность, ввиду того, что зачастую по причине объективных причин истец не в состоянии лично принять участие в судебном разбирательстве, если, например, ответчик – СМИ всероссийского либо республиканского уровня. В связи с этим, было бы разумным, если бы истец мог предъявлять иск в суд по месту своего нахождения либо жительства. Специфика установления ответчика по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации в том, что автор и распространитель порочащей информации в одном лице могут не совпадать. При этом, ответственность в любом случае должны нести оба лица. К процессуальным признакам, свойственным предмету доказывания по рассматриваемой категории дел, необходимо определить, в первую очередь, особенность установления предмета доказывания. В последний в спорах, связанных с защитой чести, достоинства и (либо) деловой репутации, когда обозначенные блага являются непосредственными объектами посягательства, обязательно должно входить три юридических обстоятельства (факта): было ли распространение информации ответчиком; порочит ли информация соответствующие нематериальные блага истца; соответствуют ли указанные данные реальности. Однако, в предмет доказывания могут входить и дополнительные факты, связанные со спецификой определенного требования.

Выводы по разделу 2

Защита рассматриваемых нематериальных благ допускается при одновременном существовании трех условий (ст. 152 ГК РФ): информация должна быть распространена; распространенные данные не соответствуют реальности; распространенные данные должны порочить честь, достоинство деловую репутацию заявителя. Дополнительным условием можно признавать волеизъявление заинтересованного лица обратиться в суд с иском. При отсутствии хотя бы одного из обозначенных обстоятельств иск не может быть

удовлетворен судом. К защите чести, достоинства и деловой репутации применимы способы защиты, предусмотренные в ст. 12 ГК РФ. Перечень способов защиты, закрепленный в обозначенной статье закона, не выступает исчерпывающим, так как указанная норма предусматривает, что законом могут быть установлены и другие способы. Специальные способы защиты вышеуказанных нематериальных благ: опровержение несоответствующих реальности порочащих честь, достоинство и деловую репутацию данных; опубликование ответа в СМИ, где была распространена определенная информация; удаление порочащих сведений в сети Интернет и соответствующее опровержение способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей указанной сети; удаление порочащих сведений, а также пресечение либо запрещение последующего ее распространения; возмещение причиненных убытков. Применительно к делам рассматриваемой категории функционируют общие правила территориальной подсудности (ст. 28 ГПК РФ). Иски подаются в суд по месту жительства ответчика, по месту нахождения органа либо имущества организации, распространившей порочащую информацию. Думается, что по указанной категории дел необходимо предусмотреть альтернативную подсудность, ввиду того, что зачастую по причине объективных причин истец не в состоянии лично принять участие в судебном разбирательстве, если, например, ответчик – СМИ всероссийского либо республиканского уровня. В связи с этим, было бы разумным, если бы истец мог предъявлять иск в суд по месту своего нахождения либо жительства. Специфика установления ответчика по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации в том, что автор и распространитель порочащей информации в одном лице могут не совпадать. При этом, ответственность в любом случае должны нести оба лица. К процессуальным признакам, свойственным предмету доказывания по рассматриваемой категории дел, необходимо определить, в первую очередь, особенность установления предмета доказывания. В последний в спорах, связанных с защитой чести, достоинства и (либо) деловой репутации, когда обозначенные блага являются непосредственными объектами посягательства, обязательно должно входить три юридических обстоятельства (факта): было ли распространение информации ответчиком; порочит ли информация соответствующие нематериальные блага истца; соответствуют ли указанные данные реальности. В предмет доказывания могут входить и дополнительные факты, связанные со спецификой определенного требования.

3 ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

3.1 Проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации в российском гражданском праве и гражданском законодательстве

Несмотря на изменения, внесенные ФЗ от 02 июля 2013 г. № 142–ФЗ, правовой институт защиты чести, достоинства и деловой репутации в настоящее время отличается некоторой пробельностью в законодательном регулировании. В рамках данного вопроса темы раскрываются отдельные проблемы правового регулирования защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц.

В настоящее время весьма актуальным является вопрос о необходимости установления сроков исковой давности по делам о защите чести и достоинства граждан, деловой репутации граждан и юридических лиц от диффамации.

Порядок защиты чести и достоинства физических лиц, деловой репутации граждан и организаций от диффамации выявляет законодательные проблемы, разрешение которых существенно независимо от того, каким конкретно образом осуществлялось распространение сведений об указанных лицах, и от того, какие гражданско-правовые способы противостояния правонарушению применяются. Указанные сложности, вместе с теми, которые касаются основных категорий в определенной области и оснований ответственности при посягании анализируемых нематериальных благ, образуют условную «общую часть», блок общих вопросов института защиты чести и достоинства физических лиц, деловой репутации физических и юридических лиц. Так, к примеру, пристального рассмотрения заслуживает вопрос о сроках исковой давности по требованиям о защите анализируемых нематериальных благ от диффамации [40, с. 56].

Как известно, в ст. 208 ГК РФ предусмотрено правило, согласно которым исковая давность не распространяется на требования о защите личных неимущественных прав и иных нематериальных благ, кроме случаев, установленных законом. Значительное нововведение п. 10 ст. 152 ГК РФ в редакции ФЗ от 02 июля 2013 г. № 142–ФЗ связано как раз с вышеуказанными сроками. С 01 октября 2013 г. срок исковой давности по требованиям, предъявляемым в связи с распространением в СМИ не соответствующих реальности данных о физическом лице либо организации (вне зависимости от того, порочатся ли при этом анализируемые нематериальные блага), образует 1 год со дня опубликования указанной информации в определенном СМИ. Ввиду того, что указанные ограничения в законе до обозначенных изменений отсутствовали (а именно сроки исковой давности по требованиям о защите чести, достоинства и деловой репутации не работали), а бремя доказывания достоверности распространенной информации п. 1 ст. 152 ГК РФ всегда возлагалось на распространителя, сформировалась благодатная почва для отдельных злоупотреблений правом на защиту от диффамации.

Как правильно отмечает О. А. Кулиуш, на практике это вело к тому, что СМИ были вынуждены «бессрочно хранить материалы, подтверждающие

распространенную информацию, или брать на себя риск проиграть дело в суде, не доказав достоверность распространенных сведений» [50, с. 87]. Законодательная новелла, укладываемая в пределы общего правила ст. 208 ГК РФ, безусловно, заслуживает положительной оценки. Вместе с тем, вопрос о более совершенном правиле относительно соответствующих сроков (большой частью, окрашенный предложениями об их повышении), с повестки дня исследователи снимать не спешат. Таким образом, срок исковой давности по требованиям, связанным с опубликованием любых не соответствующих реальности данных, образуя отныне 1 год со дня их опубликования, меньше закрепленного в 3 года общего и объединяет только область деятельности СМИ.

В первую очередь, необходимо отметить: предпочтительным видится строгое разграничение диффамации (как распространения не соответствующих реальности данных, порочащих честь, достоинство либо деловую репутацию физического лица (деловую репутацию организации)) и дезинформации (как распространения любых не носящих порочащего характера, но не соответствующих реальности данных о физическом лице либо организации).

Во избежание путаницы указанные правонарушения, думается, следует обозначать двумя приведенными понятиями. Вместе с тем, оправданным является также введение гражданско-правовых санкций за умышленное распространение соответствующих реальности порочащих рассматриваемые нематериальные блага физического лица данных (уместным в указанном случае видится понятие «дискредитация») в случае, если распространителю информации не удастся доказать, что они были сделаны достоянием общественности в интересах последней, а именно если порочащие лица сведения распространялись преимущественно либо единственно с намерением причинить последнему вред (юридические лица пострадавшими от дискредитации не могут признаваться, ввиду того, что любая информация о них и их деятельности представляют для социума больший либо меньший интерес) [56, с. 112].

Поддерживая логику потребности присутствия в отечественном позитивном праве составов трех указанных правонарушений, нельзя не задаться вопросом о сроке исковой давности, наиболее подходящем для каждого из них. Судебные разбирательства дел о гражданско-правовой диффамации (распространении не соответствующей реальности информации, порочащей чьи-либо рассматриваемые нематериальные блага) и дезинформации (распространении не носящих порочащего характера ложных данных о субъекте) подразумевают определенную деятельность по выяснению истины в вопросе о достоверности разглашенной информации. И считается, чем меньше времени на момент перенесения спора в зал суда пройдет от событий, послуживших его основанием, тем легче будет прийти к взвешенному выводу, тем точнее будут учтены имеющие значение для решения факты, тем само решение будет объективнее. Ко всему прочему, после того как сведения стали общественным достоянием, отрицательные последствия вряд ли заставят себя долго ждать, – нет причин затягивать и с защитой от нарушения, другое может быть свидетельством недобросовестности истца.

Для того же, чтобы институт исковой давности, как отмечал И.Б. Новицкий, служил «интересам общей устойчивости права», требуется также и страховка ответчика от неоправданно продолжительного нахождения под угрозой подачи иска [29, с. 193]. Правило о сроке исковой давности в 1 год по требованиям, связанным с распространением недостоверной информации в СМИ, способно разумным образом дисциплинировать субъекта защиты, уберечь ответчика в лице СМИ от возможных злоупотреблений со стороны истца, стимулировать единообразное упорядоченное ведение внутренней документации в СМИ и не вызывает нареканий. Если же дезинформация приобретает распространение каким-то другим способом (констатация фактов в документах, устное сообщение на собрании публично либо нескольким лицам, рассылка писем и др.), адекватным будет использование общего срока исковой давности, так как в указанном случае распространители не соответствующей реальности информации, не реализуя как СМИ в качестве основного вида деятельности непрерывную подачу информации социуму, не испытывают и присущих СМИ сложностей по хранению объемных подтверждений раскрытых сведений. Говоря о юридических лицах, преподносящих сведения в виде документов, необходимо указать значимость ответственного отношения данных субъектов к содержанию распространяемой информации. Следовательно, в отношении требований, вытекающих из обнародования любой неправды (в частности, порочащей анализируемые нематериальные блага физических лиц и организаций, а именно при любой дезинформации и диффамации) не посредством СМИ, следует предусмотреть срок исковой давности в 3 года. Что же касается потенциального желательного введения в законодательство санкций за дискредитацию, то тут не обнаруживается потребности изменять общее правило о нераспространении исковой давности. Истинность оглашенных сведений в обозначенном случае не ставится истцом под сомнение, а именно цель ее сверки с фактами действительной реальности у суда отсутствует. Все, что необходимо достоверно установить, – это факт распространения информации, ее порочащий характер и отсутствие потребности их распространения в социально полезных целях (бремя доказывания чего должен нести ответчик). При указанных «облегченных» задачах не образуется и вышеобозначенных сложностей, с которыми приходится иметь дело при дезинформации и диффамации [53, с. 25].

Ст. 45 и 46 Закона «О СМИ» допускают возможность (хотя и не определяют неизбежность) отказа в опубликовании текста опровержения или ответа в случае, если требования об указанном поступили в редакцию СМИ по истечении года со дня распространения исходной информации в обозначенном СМИ. Подобные отказы, равно как и нарушение предусмотренного Законом «О СМИ» порядка опровержения либо размещения ответа, могут быть в течение 1 года со дня распространения информации обжалованы в суд. На основании правового подхода Верховного Суда РФ (п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3) пропуск без уважительных причин указанного годичного срока может выступать независимым основанием

для отказа в удовлетворении иска о признании необоснованным отказа редакции СМИ в опровержении и помещении ответа истца в том же СМИ.

В качестве иной актуальной проблемы рассматриваемого института, можно указать черты коллизионности в вопросах защиты деловой репутации организации.

Новейшие обновления законодательной основы хозяйственной деятельности юридических лиц в стране, думается, выявляют коллизионность института «защиты деловой репутации организаций». Обусловлено это, считается, как причинами объективного, так и субъективного характера. Среди объективных причин обозначим то обстоятельство, что в «стране исторически деловая репутация организаций правовыми источниками не затрагивалась. Значительная часть действовавших в стране нормативных источников на различных этапах истории подразумевали исключительно защиту граждан, связанных с формированием конкретно их положительной деловой репутации», – объясняет В.В. Килинкарров [55, с. 189]. Причинами тому выступали, прежде всего, отсутствие реальных отношений, которым требовалось законодательное регулирование; в отсутствии правомочий, которые требовали бы признания со стороны окружающих; и требований, которые не были связаны с защитой как таковой; а также, неспособность и неготовность права повлиять на процесс развития указанных неимущественных отношений и их последующую коммерциализацию.

На основании законодательства России деловая репутация организации – это неотчуждаемое и нематериальное благо (ст. 150 и п. 11 ст. 152 ГК РФ). При этом, ст. 1042 и 1027 ГК РФ позволяют в том либо другом виде включать указанную категорию в общую стоимость бизнеса и переходить от одного собственника к иному. В случае реорганизации предприятия с иском о защите его деловой репутации имеет право обратиться правопреемник или учредитель организации. П. 55-57 «Положения по ведению бухгалтерского учета в РФ» «Учет нематериальных активов» (ПБУ) обязывает среди нематериальных активов принимать во внимание и деловую репутацию, возникшую в связи с приобретением предприятия как единого имущественного комплекса. При этом, полученная деловая репутация, получившая денежную оценку при переходе бизнеса от одного лица к другому, должна быть скорректирована в течение 20 лет; амортизационные отчисления по положительной деловой репутации обозначается в бухгалтерском учете посредством снижения ее первоначальной стоимости; отрицательная – в полной сумме списывается на финансовые результаты юридического лица как прочие доходы. Понятно, что в положениях ст. 150, п. 11 ст. 152 ГК РФ и ст. 1042, 1027 ГК РФ, пп. 55–57 ПБУ просматривается оксюморон – материальная нематериальность деловой репутации организации [37, с. 118]. Подобная коллизия норм говорит также о продолжающемся споре между учеными и нерешенной проблеме анализируемой категории.

По мнению автора, с одной стороны, деловая репутация организации – это наработанная в ходе жизнедеятельности репутация юридического лица в

совокупности, включающая качество оказываемых услуг, предоставляемых товаров, прозрачность предпринимательства, его конкурентоспособность, финансовая стабильность, общая деловая эффективность, квалификация менеджмента, инвестиционная привлекательность и др. В указанном вопросе значима и геополитическая сторона:

а) находится ли предпринимательство в ареале свободной рыночной экономики с верховенством права и независимой судебной системой;

б) принадлежит ли предпринимательство к этатистской экономике с избирательным правосудием;

в) присутствие/отсутствие предпринимательства в открытых либо «закулисных» санкционных списках как на национальном, так и на наднациональном уровнях [34, с. 17].

С иной стороны, указанные характеристики деловой репутации организации в той либо другой степени обозначены в бухгалтерской документации в виде конечной цены предпринимательства, так именуемая гудвилл, а именно коммерческая привлекательность юридического лица как объекта купли-продажи. Это учет и оценка как материальных, так и нематериальных активов юридического лица, причем, гудвилл может быть как отрицательной, так и положительной.

Быть может, целесообразно, представить деловую репутацию организации в виде виртуальной программы, записанной на каком-то материальном носителе, которую можно копировать, обновлять и распространять. Объектом сделки является конкретно виртуальная реальность (деловая репутация), но не тот материальный носитель, на котором она записана (организация). Правда, есть риск, что купленная деловая репутация может не прижиться с новым собственником и будет тормозить деятельность всей его системы. Новый владелец предпринимательства может сохранить наработанную до него деловую репутацию так, что давние партнеры и потребители не почувствуют смену собственника, либо даже модернизировать ее без существенного ущерба для них. Другой приобретатель организации может и не удержать прежней репутации купленного им юридического лица либо же уничтожить ее – порой и для таких целей приобретают бизнес. Не вызывает сомнений то, что «деловая репутация организации» – комплексная категория, она нуждается в защите.

Гражданско-правовая защита деловой репутации опирается на ст. 152 ГК РФ. Положения указанной статьи регламентируют защиту деловой репутации физических лиц, но также используются к защите юридических лиц. Функционирование субъектов права «юридические лица» и «граждане» в границах одной статьи, думается, не совсем корректно, ввиду того, что, таким образом, подразумевается определенное уподобление их друг другу. Совпадающие по формальным свойствам понятия «деловая репутация граждан» и «деловая репутация организаций» не тождественны. Они закрепляют абсолютно различные типы явлений. «Деловая репутация граждан» раскрывает конституционный статус личности, которая может меняться, но она неотчуждаема от физического лица даже после его смерти (ст. 150 ГК РФ). «Деловая репутация

организаций» выступает социальным образованием, может меняться и являться суммарной (ст. 1042 ГК РФ), вместе с тем, хотя и связана с конкретной организацией, все же может переходить от одного собственника к иному (ст. 1027 ГК РФ). С практического подхода, признается необходимым разграничить субъектов как материального, так и процессуального права: с одной стороны, «физические лица» в спорах о защите рассматриваемых нематериальных благ, где возмещаются убытки и моральный вред, и «организации» в спорах о защите деловой репутации, где должны компенсироваться убытки и упущенная выгода, с иной [37, с. 119].

Таким образом, понятие «деловая репутация организации/юридического лица» предусмотрено законодателем и закреплено в рекомендациях и обобщениях высшего судебного органа РФ. При этом, институт «защиты деловой репутации организации» сохраняет черты коллизионности. Думается, что следует разграничить субъектов как материального, так и процессуального права: с одной стороны, «физические лица» в спорах о защите рассматриваемых нематериальных благ и «организации» в спорах о защите деловой репутации и внести соответствующие изменения в гражданско-правовые нормы РФ.

Как известно, одним из способов защиты гражданских прав выступает компенсация морального вреда.

Изучение работ, предметом исследования которых выступает вышеуказанный институт, позволило сформулировать, обобщить и систематизировать следующие проблемы законодательного регулирования компенсации морального вреда и направления совершенствования гражданского законодательства в исследуемой сфере [31, с. 72].

Во-первых, в последнее десятилетие исследователи обоснованно уделяют пристальное внимание альтернативным формам (способам) возмещения морального вреда. В качестве вариативных форм нематериальной компенсации морального вреда обозначают опровержение, извинение, реабилитацию и примирение. Также данные формы предусмотрены в анализируемом качестве на уровне федерального законодательства. Так, опровержение закреплено в качестве формы компенсации морального вреда федеральным законодательством (ст.19 ГК РФ, ст. 43-45 ФЗ «О СМИ»), извинение как форма компенсации морального вреда предусмотрено на уровне законодательства (ст. 9 ФЗ «О полиции»), и ведомственными нормативными источниками (приказ МВД РФ «О порядке принесения извинений гражданину, права и свободы которого были нарушены сотрудником полиции»). Думается, что опровержение, примирение и извинение должны быть предусмотрены в ст. 150 ГК РФ. Одновременно введение реабилитации в качестве формы компенсации морального вреда считается необоснованным.

Таким образом, предусмотрение анализируемых форм компенсации морального вреда в кодифицированном законе федерального уровня выступает необходимым и логичным шагом на пути реформирования гражданского законодательства. Целесообразно включить в ст. 150 ГК РФ такие формы возмещения морального вреда, как примирение, опровержение, извинение,

дополнив данную норму ч. 3 соответствующего содержания. Также возможность физических лиц, наряду с опровержением информации, порочащей их анализируемые нематериальные блага, требовать возмещения убытков, морального вреда и извинения должна быть закреплена в ст. 152 ГК РФ, которую необходимо дополнить п. 1.1 соответствующего содержания.

Во-вторых, стоит признать обоснованным замечание О.Н. Родионова о некорректности трактовки категории морального вреда. В частности, он указывает на то, что понятие «физические либо нравственные страдания» не выражает сути и не дает полного представления о содержании морального вреда. О.Н. Родионов предлагает изменить традиционно применяемое определение морального вреда и представить его с использованием понятия «психологические страдания» [49, с. 37]. Данный подход считается обоснованным, так как позволит выразить эмоциональную составляющую исследуемых правовых отношений в гражданско-правовом аспекте и будет способствовать образованию логически выверенной терминологии в области нормативного регламентирования отношений по компенсации морального вреда.

В-третьих, к группе проблем законодательного регулирования отношений по компенсации морального вреда определяют и несовершенный ряд нематериальных благ, в результате посягательств на которые может быть причинен моральный вред. Из ряда нематериальных благ, обозначенных в ч. 1 ст. 150 ГК РФ, необходимо исключить «доброе имя», так как данное благо выступает положительным содержанием чести, а не независимым благом, понятие «личная и семейная тайна» следует заменить родовым термином «тайна частной жизни», целесообразно ввести в анализируемую норму родовую объединяющую категории «неприкосновенность частной жизни» и исключить из статьи термины «неприкосновенность жилища», «неприкосновенность частной жизни», «свобода выбора места пребывания и жительства», «свобода передвижения», так как указанные категории объединяются предложенным понятием «неприкосновенность частной жизни».

В-четвертых, обращает на себя внимание расширительное толкование оснований причинения морального вреда Верховным Судом РФ. На основании норм ч. 1 ст. 151 ГК РФ причинение морального вреда определено только посягательствами на нематериальные блага, при этом, п. 2 Постановления Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 [18] в качестве подобного основания раскрывает также нарушение имущественных прав физического лица, что противоречит сущностной характеристике морального вреда как гражданско-правовой категории. Думается, что в целях устранения обнаруженного противоречия необходимо представить п. 2 постановления Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 в редакции, не учитывающей в качестве основания причинения морального вреда нарушение имущественных прав.

Проведенный анализ позволяет объединить рассмотренные проблемы нормативного регламентирования отношений по компенсации морального вреда в категорию проблем понятийного аппарата института компенсации морального вреда.

В-пятых, ни на уровне федерального гражданского законодательства, ни в разъяснениях высших судебных органов не представлено закрытого перечня обстоятельств причинения морального вреда и определенных индивидуальных признаков лица, которому причинен данный вред, учитываемых в обязательном порядке судом в целях справедливой соразмерной величины компенсации морального вреда. Индивидуальные признаки лица, которому причинен данный вред, хотя бы в виде родовых характеристик должны быть обозначены в ГК РФ, так как они способны оказать значительное воздействие на психологическое и психическое состояние физического лица относительно определенных незаконных действий в отношении него. В качестве данных признаков, думается, должны приниматься во внимание возраст (как психологический, так и физиологический), социальный статус, гендерная принадлежность, уровень психофизического развития и иные признаки. Отсутствие данного перечня определяет нехватку механизма и методики классификации и дифференциации анализируемых элементов.

В-шестых, отсутствие методики установления размера компенсации морального вреда в денежном эквиваленте порождает излишнюю роль субъективизма при принятии решений по представленной категории дел. Как отмечает М.Н. Малеина, система критериев установления величины компенсации морального вреда должна быть трехуровневой и объединять в себе: общие критерии установления величины компенсации морального вреда – форму и степень вины субъекта, причинившего моральный вред; оценку обществом действий (бездействия) причинителя; частные (факультативные по отношению к общим) критерии установления величины соответствующей компенсации, применяемые при нарушении определенного субъективного права; основания снижения и повышения размера компенсации морального вреда [48, с. 69]. К основаниям повышения величины компенсации неимущественного вреда необходимо определить:

- 1) причинение одновременно физического и морального вреда при посягательстве на одно нематериальное благо;
- 2) причинение неимущественного вреда одновременным посягательством на несколько нематериальных благ.

При рассмотрении указанного вопроса целесообразно привести примеры, указывающие на потребность правового предусмотрения критериев установления величины компенсации морального вреда.

Решением Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга от 19 августа 2014 г. по делу № 2-2139/201421 взыскана компенсация морального вреда за незаконное уголовное преследование и незаконное содержание под стражей в размере 50 000 руб. (требуемая сумма компенсации – 1 000 000 руб., истец был подвергнут уголовному преследованию и незаконно содержался под стражей в течение 6 месяцев) [27]. Апелляционная инстанция оставила решение Петроградского районного суда города Санкт-Петербурга без изменения, а апелляционную жалобу – без удовлетворения [24].

21 марта 2016 г. Октябрьский районный суд г. Новосибирска по делу № 2–64/201623 взыскал компенсацию морального вреда за незаконное уголовное преследование и незаконное содержание под стражей в размере 350 000 руб. (истец просил взыскать 2 400 000 руб., он был подвергнут незаконному уголовному преследованию и незаконно содержался под стражей в течение 8 месяцев). 12 июля 2016 г. СК по гражданским делам Новосибирского областного суда апелляционным определением оставила судебное решение первой инстанции без изменения [21].

Таким образом, опираясь на научную литературу и эмпирические данные, следует обратить внимание на потребность создания перечня критериев установления величины компенсации морального вреда в целях уменьшения роли усмотрения суда при вынесении решений по представленной категории дел. Система критериев установления величины компенсации морального вреда, разработанная М.Н. Малеиной, считается довольно лаконичной и стройной. Разработка перечня частных критериев для установления величины соответствующей компенсации, используемых при нарушении определенного субъективного права, должна стать целью отдельного монументального труда. Определенные изменения следует внести в ч. 2 ст. 151 ГК РФ, дополнив ее указанием на обязательность учета общих и частных критериев установления размера компенсации морального вреда, а также оснований снижения и повышения вышеуказанной компенсации, зависящих от судебного усмотрения с учетом определенных обстоятельств дела.

Проведенное исследование позволяет систематизировать рассмотренные проблемы законодательного регламентирования компенсации морального вреда и, в свою очередь, разработать направления совершенствования правового регулирования рассматриваемого института. Анализ правовых источников, регулирующих институт компенсации морального вреда, современной научной литературы, посвященной проработке вышеуказанной компенсации, и материалов практики позволяет систематизировать рассматриваемые проблемы нормативного регламентирования следующим образом: 1) проблемы понятийного аппарата компенсации морального вреда; 2) проблемы индивидуализации и дифференциации соответствующей компенсации; 3) проблемы нормативного регламентирования установления размера компенсации морального вреда [31, с. 73].

Таким образом, вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц недостаточно урегулированы нормами действующего российского законодательства. Пробельность наблюдается в отсутствии в ГК РФ: срока исковой давности по требованиям о защите от диффамации, урегулированности института «защиты деловой репутации юридического лица», методики исчисления размера морального вреда, оценки степени и глубины страданий при исчислении морального вреда и др. С учетом вышеуказанных и иных проблем, необходимо внести изменения и дополнения в нормы действующего гражданского законодательства.

3.2 Рекомендации по совершенствованию правового регулирования института защиты чести, достоинства и деловой репутации

На основе анализа, проведенного в п. 3.1., разработаны следующие выводы и предложения по совершенствованию действующего российского законодательства.

1. Проблема защиты чести, достоинства и репутации рассматривается российскими юристами и исследователями уже на протяжении продолжительного времени, но категории «честь», «достоинства», «деловая репутация» в законодательстве не закреплены. Ст. 152 ГК РФ выступает одновременно общей и специальной нормой, которая предоставляет физическому лицу право требовать опровержение порочащих его нематериальные блага сведений. Ст. 152 ГК РФ, говорит не только о защите деловой репутации организации, но и предусматривает порядок опровержения данных, порочащих честь, достоинство либо «деловую репутацию физического лица». Вместе с тем, четкая формулировка категории «деловая репутация физического лица» в законодательстве отсутствует. Законодатель не предусматривает, что понимается под «деловой репутацией физического лица», то есть определены ли к указанной категории лица, которые занимаются деятельностью в сфере предпринимательства, или лица, которые трудоустроены на основании трудов-правовых норм. Каким социальным статусом должен обладать гражданин, имеющий право на применение к нему вышеуказанной категории. Думается, что в целях устранения пробелов в законодательстве следует установить четкие формулировки терминов «честь», «достоинства» и «деловой репутации» и категории лиц, подпадающих под указанные категории, что исключит пробелы в законодательстве и путаницу на практике, посредством внесения изменений в российское законодательство.

2. По требованиям, вытекающим из обнародования любой неправды (в частности, порочащей честь и достоинство физических лиц, деловую репутацию физических лиц и организаций, а именно при любой дезинформации и диффамации) не с помощью СМИ, целесообразным видится предусмотрение общего срока исковой давности в 3 года, начинающего течь со дня, когда лицо узнало либо должно было узнать о попрании своих прав и о том, кто выступает надлежащим ответчиком по намечающемуся иску (п. 1 ст. 200 ГК РФ). Это изъятие из норм ст. 208 ГК РФ логично вписалось бы следующим дополнительным предложением в п. 10 ст. 152 ГК РФ «К требованиям, предъявляемым в связи с распространением указанных сведений в других случаях, подлежат применению правила об общем сроке исковой давности».

3. Категория «деловая репутация организации/юридического лица» предусмотрена законодателем и отображена в рекомендациях и обобщениях высшего судебного органа РФ. Вместе с тем, институт «защиты деловой репутации организации» сохраняет черты коллизионности. В связи с чем предлагаются меры, направленные на устранение данной коллизионности:

следует разграничить субъектов как материального, так и процессуального права: с одной стороны, «физические лица» в спорах о защите чести и достоинства и деловой репутации и «организации» в спорах о защите деловой репутации. Для указанного требуется внести следующие дополнения и изменения к действующему законодательству, регламентирующему защиту деловой репутации.

1. Представить ст. 152 ГК РФ в следующей редакции: «статья 152. Защита чести, достоинства, деловой репутации граждан и деловой репутации юридических лиц»:

1.1. п. 11 ст. 152 – «Правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина в полном объеме распространяются на участников, владельцев, правопреемников юридических лиц как в отдельности, так и коллективно»; добавить данную статью п. 12 и 13:

1.2. п. 12. «Под сведениями, порочащими деловую репутацию организации, необходимо подразумевать опубликование в СМИ, в том числе электронных, в публицистических, художественных и других произведениях, а также распространение и хранение на всех видах носителей данной информации, изложение в публичных выступлениях, заявлениях, служебных документах либо сообщениях в письменной или устной форме, хотя бы одному лицу, разглашение конфиденциальной информации и др., а именно тех сведений, позволяющих ее обладателю при существующих либо возможных обстоятельствах злоупотребить своим правом, чтобы уменьшить доходы, вызвать непредвиденные неоправданные расходы, потерять положение на рынке товаров, работ, услуг либо упустить коммерческую выгоду для организации»; факт удаления указанной информации не может являться препятствием для взыскания убытков;

1.3. «п. 13. Под информацией, порочащей деловую репутацию организации необходимо также признавать использование чужой деловой репутации, выражающееся в незаконном применении товарного знака и других средств индивидуализации».

2. Ст. 51 Закона «О СМИ» «Недопустимость злоупотребления правами журналиста» закрепить в следующей редакции: «Не допускается применение предусмотренных настоящим Законом прав журналиста в целях сокрытия либо фальсификации общественно значимой информации, распространения слухов под видом достоверных сообщений, сбора сведений в пользу постороннего физического либо юридического лица.

Запрещается применять право журналиста на распространение сведений с целью опорочить физическое лицо, определенные категории граждан только по признакам возраста, пола, языка, национальной либо расовой принадлежности, отношения к религии, места жительства и работы, профессии, а также в связи с их политическими убеждениями, распространять сведения, порочащие деловую репутацию организации».

3. Систематизация проблем законодательного регламентирования морального вреда обуславливает формулирование следующих ключевых направлений актуализации правовой регламентации компенсации данного вреда:

1. Совершенствование понятийного аппарата вышеуказанного правового института. Физические страдания не могут сами по себе анализироваться как причинение морального вреда, при этом, они могут обусловить (самостоятельно либо наряду с другими причинами) «психический вред» либо «нравственные переживания». В пределах указанного направления необходимо проработать и законодательно предусмотреть дефиницию морального вреда, которая будет выражать сущность и содержание морального вреда и охватывать эмоциональную составляющую анализируемых правовых отношений в гражданско-правовом аспекте.

Кроме того, должны быть включены в ст. 150 ГК РФ в качестве форм компенсации морального вреда опровержение, извинение и примирение. Возможность физических лиц, наряду с опровержением информации, порочащей их честь, достоинство либо деловую репутацию, требовать возмещения убытков, морального вреда и извинения должна быть предусмотрена и в ст. 152 ГК РФ, которую необходимо дополнить п. 1.1 соответствующего содержания. Предусмотрение проанализированных форм компенсации морального вреда в кодифицированном законе федерального уровня выступает необходимым и логичным шагом на пути реформирования гражданского законодательства.

Также, необходимо актуализировать перечень нематериальных благ, в результате посягательств на которые может быть причинен моральный вред. В частности, из перечня ч. 1 ст. 150 ГК РФ необходимо исключить «доброе имя», понятие «личная и семейная тайна» следует заменить категорией «тайна частной жизни», введение дефиниции «неприкосновенность частной жизни» обусловит исключение из статьи таких благ, как «неприкосновенность жилища», «неприкосновенность частной жизни», «свобода выбора места пребывания и жительства», «свобода передвижения». В целях устранения рассмотренного в статье противоречия следует изложить п. 2 постановления Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 в редакции, не учитывающей в качестве основания причинения морального вреда нарушение имущественных прав.

2. Совершенствование нормативного регламентирования индивидуализации и дифференциации компенсации морального вреда. Следует закрепить в ГК РФ в виде родовых характеристик индивидуальные признаки лица, которому причинен моральный вред, так как они способны оказать значительное воздействие на психологическое и психическое состояние гражданина относительно определенных незаконных действий в отношении него. В качестве подобных характеристик должны приниматься во внимание возраст (психологический и физиологический), гендерная принадлежность, уровень психофизического развития, социальный статус и другие особенности. Отсутствие данного перечня обуславливает нехватку механизма и методики классификации и дифференциации рассматриваемых элементов.

3. Закрепление на уровне законодательства методики установления величины компенсации морального вреда. Ч. 2 ст. 151 ГК РФ необходимо дополнить указанием на обязательность учета общих и частных критериев установления размера компенсации морального вреда, а также оснований снижения и

повышения величины компенсации морального вреда, зависящих от усмотрения суда с учетом обстоятельств рассматриваемого дела.

Совершенствование законодательного регламентирования отношений по компенсации морального вреда посредством правового предусмотрения перечня данных критериев будет способствовать формированию единообразной правоприменительной практики по делам о взыскании компенсации морального вреда.

По мнению автора, вышеуказанные выводы и предложения по совершенствованию норм действующего гражданского законодательства позволят упорядочить общественные отношения в сфере защиты нематериальных благ, повысить эффективность подобной защиты.

Выводы по разделу 3

Вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц недостаточно урегулированы нормами действующего российского законодательства. Анализ правовых источников, регулирующих институт компенсации морального вреда, современной научной литературы, посвященной проработке вышеуказанной компенсации, и материалов практики позволяет систематизировать проблемы нормативного регламентирования защиты чести, достоинства и деловой репутации следующим образом:

- проблемы понятийного аппарата компенсации морального вреда;
- проблемы индивидуализации и дифференциации соответствующей компенсации;
- проблемы нормативного регламентирования установления размера компенсации морального вреда. Пробельность наблюдается в отсутствии в ГК РФ: срока исковой давности по требованиям о защите от диффамации, урегулированности института «защиты деловой репутации юридического лица», методики исчисления размера морального вреда, оценки степени и глубины страданий при исчислении морального вреда и др. С учетом вышеуказанных и иных проблем, необходимо внести изменения и дополнения в нормы действующего гражданского законодательства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследования, подведем обобщающие итоги по теме выпускной квалификационной работы.

Среди нематериальных благ важнейшими являются честь, достоинство и деловая репутация. Понятия «честь», «достоинство», «деловая репутация» определяют близкие между собой нравственные категории. Различия между ними лишь в субъективном или объективном подходе при оценке этих качеств.

В современном законодательстве нет формулировок понятий чести, достоинства, деловой репутации. В указанном виден пробел законодательства РФ. В современное время в правовой науке анализируемые понятия раскрыты следующим образом. Честь – это одна из нравственных категорий, которая связана с оценкой личности в глазах окружающих и выражает моральные заслуги личности, конкретные социальные и духовные качества. Достоинство – это собственная оценка индивидом своих качеств, мировоззрения, своих поступков, а также общественное значение. Деловая репутация – нематериальное благо, которое представляет собой оценку деятельности лица (как физического, так и юридического) с точки зрения его деловых качеств.

Право на честь, достоинство и деловую репутацию выступает значимой социально-правовой ценностью и потребностью правового государства. Каждый гражданин обладает правом на судебную защиту его чести, достоинства и деловой репутации. Защита личных прав физических лиц происходит посредством установления государством, за их нарушение гражданской, административной, уголовной ответственности.

Защита чести, достоинства и деловой репутации возможна при одновременном наличии трех условий (ст. 152 ГК РФ): сведения должны быть распространены; распространенные сведения не соответствуют действительности; распространенные сведения должны порочить честь, достоинство деловую репутацию заявителя.

Специальные способы защиты чести, достоинства и деловой репутации: опровержение несоответствующих действительности порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений; опубликование ответа в СМИ, где были распространены соответствующие сведения; удаление порочащей информации в сети Интернет и соответствующее опровержение способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети Интернет; удаление порочащей информации, а также пресечение или запрещение дальнейшего ее распространения; возмещение причиненных убытков.

Проведенный анализ в данной работе позволяет внести некоторые предложения по совершенствованию законодательства.

1. Репутация обладает признаками личного неимущественного блага в смысле ст. 150 ГК РФ. Так, в п. 1 ст. 1042 ГК РФ определяется состав вкладов, вносимых участниками простого товарищества. Исходя из содержания указанной нормы, можно сделать вывод о том, что в данной ситуации законодатель рассматривает деловую репутацию как имущественное благо. И здесь возникает проблема,

поскольку ст. 150 ГК РФ закрепляет положение о том, что деловая репутация является нематериальным благом, которое к тому же «неотчуждаемо и непередаваемо иным способом». Представляется, что ст. 150 ГК РФ необходимо изложить в новой редакции. В частности, дополнить пункт первый новым абзацем следующего содержания: «В случаях и в порядке, предусмотренных законом, некоторые личные неимущественные права гражданина могут на определенный срок отчуждаться и передаваться по договорам другим лицам».

2. В современном гражданском законодательстве презумпция морального вреда ни прямо, ни косвенно не закреплена. В этой связи, в соответствии со ст. 56 ГПК РФ наличие морального вреда, то есть наличие переживаний, их характер и интенсивность, должен доказать сам потерпевший. Очевидным является то обстоятельство, что наличие морального вреда реально доказать только в случае, когда нравственные и физические страдания потерпевшего имеют какие-либо внешние проявления, в качестве которых чаще всего выступает ухудшение здоровья. Не секрет, что душевные переживания лица не всегда могут влечь столь явные последствия, видные посторонним, в силу чего доказывание факта причинения морального вреда в подобных случаях весьма проблематично.

Думается, что презюмирование морального вреда будет способствовать и упрощению доказательственной деятельности в суде, а также устранению противоречий между сложившейся судебной практикой и действующим законодательством. В этой связи, представляется целесообразным закрепление в ст. 151 ГК РФ презумпции причинения морального вреда любым противоправным посягательством на неимущественные права потерпевшего. Это, с одной стороны, освободит истца от необходимости доказывать факт наличия нравственных или физических страданий, а с другой – даст шанс нарушителю опровергнуть данную презумпцию, доказав, что его поведение не повлекло таких последствий. Новая редакция ст. 151 ГК РФ могла бы выглядеть следующим образом «Гражданин вправе требовать денежной компенсации морального вреда (физических и нравственных страданий), причиненного действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, если причинитель вреда не докажет отсутствие таких страданий у потерпевшего. В других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда...».

3. Несмотря на то, что такие способы защиты чести, достоинства и деловой репутации, как «удаление соответствующей информации» (п. 4 ст. 152) и «удаление информации в сети «Интернет»» (п. 5 ст. 152) имеют одну правовую природу, условия их реализации различны. Для удаления информации в Интернете «широкая известность» сведений необязательна в отличие от удаления соответствующей информации. При удалении информации в сети Интернет такая информация обязательно должна оказаться после ее распространения доступной в сети. И только в одном случае различие между удалением информации в сети Интернет и удалением соответствующей информации стирается – когда ущемляющие честь, достоинство, деловую репутацию сведения оказались после

их распространения доступными в Интернете (условия п. 5 ст. 152 ГК РФ) и при этом стали «широко известны», в связи с чем опровержение невозможно довести до всеобщего сведения (условия п. 4 ст. 152 ГК РФ) Поскольку законодатель не дает правового толкования выражению «широко известны», содержащемуся в п. 4 ст. 152 ГК РФ и являющемуся главным различительным признаком двух указанных выше способов защиты, развернутое понятие словосочетания «широко известны» стоит закрепить в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

4. По требованиям, вытекающим из обнаружения любой неправды (в частности, порочащей честь и достоинство граждан, деловую репутацию граждан и юридических лиц, то есть при любой диффамации и дезинформации) не с помощью СМИ, целесообразным видится установление общего трехгодичного срока исковой давности, начинающего течь со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о посягании своих прав и о том, кто является надлежащим ответчиком по намечающемуся иску (п. 1 ст. 200 ГК РФ). Это изъятие из правил ст. 208 ГК РФ логично вписалось бы следующим дополнительным предложением в п. 10 ст. 152 ГК РФ «К требованиям, предъявляемым в связи с распространением указанных сведений в иных случаях, подлежат применению правила об общем сроке исковой давности».

5. Категория «деловая репутация юридического лица/организации» закреплена законодателем и отображена в обобщениях и рекомендациях Верховного Суда РФ. Однако, институт «защиты деловой репутации юридического лица» сохраняет признаки коллизионности. В связи с чем предлагаются меры, направленные на устранение этой коллизионности: необходимо разграничить субъектов как материального, так и процессуального права: с одной стороны, «граждане» в спорах о защите чести и достоинства и деловой репутации и «юридические лица» в спорах о защите деловой репутации. Для этого необходимо внести следующие изменения и дополнения к действующему законодательству, регулирующему защиту деловой репутации:

– Изложить ст. 152 ГК РФ в такой редакции: «статья 152. Защита чести, достоинства, деловой репутации граждан и деловой репутации юридических лиц»;

– п. 11 ст. 152 – «Правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина полностью распространяются на владельцев, участников, правопреемников организаций как в отдельности, так и коллективно»;

– добавить указанную статью пунктами 12 и 13:

– п. 12. «Под сведениями, порочащими деловую репутацию юридического лица, следует понимать опубликование в средствах массовой информации, в том числе электронных, в художественных, публицистических и иных произведениях, а также распространение и хранение на всех видах носителей такой информации, изложение в служебных документах, публичных выступлениях, заявлениях или сообщениях в устной либо письменной форме, хотя бы одному лицу, разглашение конфиденциальной информации и др., то есть тех сведений, позволяющих ее

обладателю при существующих или возможных обстоятельствах злоупотребить своим правом, чтобы снизить доходы, вызвать непредвиденные неоправданные расходы, потерять положение на рынке товаров, работ, услуг или упустить коммерческую выгоду для юридического лица»; факт удаления такой информации не может служить препятствием для взыскания убытков;

– «п. 13. Под сведениями, порочащим деловую репутацию юридического лица следует также считать использование чужой деловой репутации, выражающимся в незаконном использовании товарного знака и иных средств индивидуализации».

– ст. 51 Закона «О СМИ» «Недопустимость злоупотребления правами журналиста» представить в следующей редакции: «Не допускается использование установленных настоящим Законом прав журналиста в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, распространения слухов под видом достоверных сообщений, сбора информации в пользу постороннего лица или организации, не являющейся СМИ.

Запрещается использовать право журналиста на распространение информации с целью опорочить гражданина, отдельные категории граждан исключительно по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии, профессии, места жительства и работы, а также в связи с их политическими убеждениями, распространять информацию, порочащую деловую репутацию юридического лица».

Таковы, в целом, итоги проведенного в настоящей работе исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Всеобщая Декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.). – <http://www.consultant.ru/>
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04 ноября 1950 г. – <http://www.consultant.ru/>
3. Резолюция Комитета министров Совета Европы от 02 июля 1974 г. (74) 26 «О праве на ответ – положение лица по отношению к прессе». – <http://www.consultant.ru/>
4. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. – 2002. – 27 ноября.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 1 от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. – 1994. – 10 декабря.
7. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Российская газета. – 2010. – 30 декабря.
8. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462–1 // Российская газета. – 1993. – 22 февраля.
9. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124–1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. – 1991. – 30 декабря.
10. Постановление Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2007 г. по делу «Чемодуров (Chemodurov) против Российской Федерации» (жалоба № 72683/01). – <http://sudact.ru/>
11. Постановление Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2007 г. по делу «Дюльдин и Кислов (Dyuldin and Kislov) против Российской Федерации» (жалоба № 25968/02). – <http://sudact.ru/>
12. Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 июля 2005 г по делу «Гринберг (Grinberg) против Российской Федерации» (жалоба № 23472/03). – <http://sudact.ru/>
13. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 09 июля 2013 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2013. – № 14.
14. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 01 марта 2010 г. № 323-О-О// Вестник Конституционного Суда РФ. – 2010. – № 6.
15. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 5.
16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства,

регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 3.

17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 6.

18. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 38.

19. Решение Центрального районного суда г. Челябинска от 15 августа 2017 г. по делу № 2-4847/2017. – <http://sudact.ru/>

20. Решение Тракторозаводского районного суда г. Челябинска от 07 октября 2017 г. по делу № 2-628/2017. – <http://sudact.ru/>

21. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 12 июля 2016 г. по делу № 33-6893/2016. – <http://sudact.ru/>

22. Решение Кировского районного суда г. Омска от 23 марта 2016 г. по делу № 2-684/2016. – <http://sudact.ru/>

23. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 18 мая 2015 г. по делу № 33-14537/2015. – <http://sudact.ru/>

24. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 12 марта 2015 г. по делу № 33-4346/2015. – <http://sudact.ru/>

25. Определение Ленинск-Кузнецкого городского суда Кемеровской области от 01 февраля 2015 г. по делу № 2-1886/2014. – <http://sudact.ru/>

26. Решение Арбитражного Суда Республики Саха (Якутия) от 14 декабря 2014 г. по делу № А-58-3684/14. – <http://sudact.ru/>

27. Решением Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга от 19 августа 2014 г. по делу № 2-2139/201421. – <http://sudact.ru/>

28. Постановление ФАС Уральского округа от 10 августа 2004 г. № Ф 09–2479/04-ГК по делу № А60-2748/04. – <http://sudact.ru/>

29. Алексеев, С.С. Гражданское право России: учебник / С.С. Алексеев. – М.: Норма, 2015. – 528 с.

30. Анисимов, А.Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации / А.Л. Анисимов // Законность. – 2012. – № 3. – С. 27 – 32.

31. Багдасарова, А.Э. Актуализация правового регулирования отношений по компенсации морального вреда в контексте систематизации проблем их законодательной регламентации / А.Э. Багдасарова // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 4(77). – С. 72 – 78.

32. Белов, В.А. Гражданское право: Общая часть: учебник / В.А. Белов. – М.: Норма, 2014. – 502 с.

33. Беспалов, А.В. Честь, достоинство и деловая репутация как объекты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Беспалов. – Краснодар, 2004. – 213 с.

34. Бучакова, М.А. Защита чести и достоинства, деловой репутации сотрудников ОВД / М.А. Бучакова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2017. – № 3(70). – С. 16 – 19.
35. Бучакова, М.А. Теория и практика судебной защиты чести и достоинства, деловой репутации сотрудников органов внутренних дел / М.А. Бучакова, О.А. Дизер, А.Н. Александров // Наука. Теория. Практика. – 2016. – № 2. – С. 96 – 100.
36. Ватлецов, С.Г. Деловая репутация юридического лица: коллизия диспозиций, коллизия санкций / С.Г. Ватлецов // Юридическая техника. – 2017. – № 11. – С. 390 – 398.
37. Верзун, А.В. Условия и порядок защиты чести, достоинства и деловой репутации / А.В. Верзун // Законность. – 2017. – № 4. – С. 117 – 120.
38. Вертепова, Т.А. Правовые способы защиты чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации / Т.А. Вертепова // Уголовная политика: теория и практика. – 2015. – № 7. – С. 12 – 18.
39. Власов, А.А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации / А.А. Власов // Государство и право. – 2011. – № 8. – С. 4 – 10.
40. Гулина, Н.М. Проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации / Н.М. Гулина // Вестник магистратуры. – 2018. – № 1-2(76). – С. 55 – 57.
41. Ермолова, О.Н. Нематериальные блага личности в гражданском праве Российской Федерации / О.Н. Ермолова. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. – 229 с.
42. Игнатьева, Е.В. Анализ судебной практики по делам о защите деловой репутации юридических лиц в Республике Бурятия / Е.В. Игнатьева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2016. – № 12. – С. 24 – 30.
43. Кольяков, А.М. Особенности рассмотрения судами дел о защите чести, достоинства и деловой репутации на современном этапе / А.М. Кольяков // Общество и право. – 2016. – № 11. – С. 73 – 77.
44. Кузнецова, Л.В. Защита чести, достоинства и деловой репутации / Л.В. Кузнецова // Проблемы в законодательстве. – 2015. – № 10. – С. 86 – 91.
45. Кулиуш, О.А. Честь, достоинство и деловая репутация бизнесмена / О.А. Кулиуш // Бизнес в законе. – 2014. – № 9. – С. 14 – 18.
46. Лапшин, А.А. Способы защиты деловой репутации юридических лиц и их особенности / А.А. Лапшин // Социально-экономические явления и процессы. – 2017. – № 5. – С. 184 – 189.
47. Макарова, Т.Н. Проблемы гражданско-правовой защиты деловой репутации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Т.Н. Макарова. – Москва, 2006. – 28 с.
48. Малеина, М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав / М.Н. Малеина // Государство и право. – 2014. – № 7. – С. 67 – 71.

49. Михалевич, Е.В. О понятиях чести, достоинства и деловой репутации в российском гражданском праве / Е.В. Михалевич // Общество и право. – 2016. – № 3. – С. 36 – 40.
50. Парыгина, Н.Н. Слово об оптимизации сроков исковой давности по требованиям о защите от диффамации / Н.Н. Парыгина // Вестник Омского университета. – 2017. – № 2(51). – С. 87 – 90.
51. Поздникин, П.Ю. Защита чести, достоинства и деловой репутации. Актуальные вопросы / П.Ю. Поздникин // Бизнес в законе. – 2015. – № 7. – С. 46 – 55.
52. Рабец, А.М. Право гражданина на защиту чести, достоинства и деловой репутации / А.М. Рабец, М.А. Хватова // Журнал российского права. – 2016. – № 11. – С. 54 – 60.
53. Рабец, А.М. Право гражданина на защиту чести, достоинства и деловой репутации: проблемы теории и практики / А.М. Рабец, М.А. Хватова // Гражданское и трудовое право. – 2015. – № 8. – С. 23 – 30.
54. Рыбенцов, А.А. Особенности защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан / А.А. Рыбенцов // Юридические науки. – 2015. – № 7. – С. 24 – 28.
55. Сахнова, Т.В. Курс гражданского процесса: учебник / Т.В. Сахнова. – М.: Юнити, 2014. – 538 с.
56. Свинцова, М.В. Сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию граждан и юридических лиц / М.В. Свинцова // Законность. – 2016. – № 2. – С. 112 – 116.
57. Селина, А.А., Холоденко, Ю.В. Способы защиты чести, достоинства и деловой репутации, направленные на пресечение дальнейшего распространения порочащих сведений / А.А. Селина, Ю.В. Холоденко // Юрислингвистика. – 2016. – № 7. – С. 96 – 99.
58. Сидорова, Е.Н. Процессуальные особенности защиты чести, достоинства и деловой репутации / Е.Н. Сидорова // Евразийская адвокатура. – 2016. – № 3. – С. 78 – 82.
59. Слыщенко, В.А. Участие государства в отношениях, регулируемых гражданским правом: к вопросу о правовом положении государственных органов / В.А. Слыщенко // Вестник гражданского права. – 2013. – № 6. – С. 58 – 91.
60. Спектор, А.А. Гражданское право: учебник / А.А. Спектор. – М.: Приор, 2013. – 487 с.
61. Суханов, Е.А. Гражданское право Российской Федерации: учебник / Е.А. Суханов. – М.: Норма, 2015. – 431 с.
62. Ткаченко, О.В. Честь как социокультурный феномен: монография / О.В. Ткаченко. – Ростов-н/Д. – 144 с.
63. Холоденко, Ю.В. Опровержение и право на ответ: проблемы применения специальных способов защиты чести, достоинства и деловой репутации / Ю.В. Холоденко, А.А. Селина // Юридические науки. – 2017. – № 8. – С. 145 – 149.

64. Шувалова, Э.В. Нематериальные блага как объект гражданских правоотношений / Э.В. Шувалова // Молодой ученый. – 2017. – № 18. – С. 263 – 266.

65. Шульгина, Р.В. Возмещение нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам / Р.В. Шульгина // Молодой ученый. – 2017. – № 18. – С. 269 – 272.

66. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – <http://www.vsrfr.ru/>

67. Официальный сайт Омского районного суда Омской области. – <http://omskiyecourt.oms.sudrf.ru/>